

18+

Николай Боевкин

12:21

Николай Боевкин

12:21

*<https://litres.ru/74258142>
ISBN 9785006966765*

Аннотация

Порожденный в романе «Постоянная времени» истребитель вампиров вышел из-под контроля. Началась массовая миграция нечисти на европейский континент, и главный герой Дэн отправляется в Москву, чтобы совместно с Федеральной службой безопасности России запустить новый этап смертельной борьбы за выживание человечества.

Жена казненного графа де Грильона Анна Барбара с маленькой дочерью скрываются в Нанте. Но убежать от прошлого не так-то просто...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	46
Глава 4	63
Глава 5	75
Глава 6	95
Глава 7	132
Конец ознакомительного фрагмента.	139

12:21

Николай Боевкин

Редактор Галина Боевкина

Дизайнер обложки Николай Боевкин

Дизайнер обложки Галина Боевкина

© Николай Боевкин, 2026

© Николай Боевкин, дизайн обложки, 2026

© Галина Боевкина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-6676-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Поздней июльской ночью 1712 года в Нант со стороны пригорода Святого Клемента рысью въехал усталый всадник. Последние сутки дождь шел не переставая, и от лошади валил белый пар, но наездник был безжалостен — ему еще предстояло добраться до другого конца города.

Наконец показались знакомые двери, человек спешил и нетерпеливо постучал. Не прошло и минуты, как ему открыла молодая женщина в длинной, до самых пят, черной накидке.

— Все как вы и говорили, хозяйка, все как вы и говорили, — на мокром лице путника невозможно было разглядеть слез, но голос его дрожал от сдерживаемых рыданий.

Она ничего не ответила, впустила слугу и закрыла дверь. Понурая лошадь осталась за порогом в полном одиночестве. Несчастное животное было бы просто счастливо, если бы какой-нибудь запоздалый прохожий похитил его, увел к себе, где сухо и тепло. Но прохожих в такую собачью погоду на улице не наблюдалось.

— Не извольте беспокоиться, госпожа, я похоронил хозяина по всем правилам. На кладбище у Святого Роха.

— Благодарю тебя, Жак.

— Но как же вы догадались?

— Не знаю. Почувствовала. И малышка чувствует — пла-

чет всю неделю. Теперь рассказывай.

— Я отправился в Париж, ну, как вы и велели. Скакал день и ночь, боялся не успеть. А в Париже все об этом только и говорят, вот так. Стало быть, арестовали хозяина на другой день, как мы уехали. А в понедельник... На площади... Я сразу к Лотарингцу, он нынче у «гранширов», ну, это воры по-нашему, самый главный. А тот-то очень хозяина нашего уважал, что хочешь, говорит, для Пшеницы сделаю. Ну, это они так хозяина промеж себя называли, уж больно щедро он платил. Потому как «пшеница» по-нашему — это деньги и есть. А Лотарингец-то и вывел меня на Шарло, то бишь на палача Сансона. А Сансон-то сильно обрадовался, расцвел аж весь. У меня, говорит, уж лет пять, как ни одного порядочного человека не было. Что, мол, отчаялся он уже ждать, когда тело графа выкупят. А другого кого не стал бы у себя в доме четыре дня держать, вот так. А трупного запаха и во-все не было, вот вам истинный крест! Все я выкупил: и тело, и голову, и одежду. Ладанку вот только, которая у хозяина всегда на шее висела, украл, каналья. А может, потерялась она, ну... когда...

— Не беспокойся, это неважно, — улыбаясь сквозь слезы, сказала Анна.

— Не скажите, хозяйка, — возразил Жак, поправляя повязку, прикрывающую покалеченный правый глаз, — уж очень он этой ладанкой дорожил. Амулет, говорил, страшной, нечеловеческой силы. Мощи там какие-то святые.

— Частицы Креста Животворящего. На Илону Серван этот талисман надел перед нашим отъездом.

— А, ну ясно тогда. Вот, выходит, потому и не уберег он хозяина.

— Чему быть, того не миновать.

— Стало быть, похоронили мы хозяина, все честь по чести. У меня могильщиков-то много знакомых на кладбищах. Помянули потом с братвой, как полагается. А сам-то говорит, мол, душевный был человек твой хозяин. А уж Лотарингец слов на ветер не бросает!

— Услужил ты Сервану в последний раз, Жак, спасибо тебе.

— Да, а Сансон-то еще одну штуку мне отдал, говорит, от графа твоего осталась. Смотрите, на стеклянный нож похожа, — слуга открыл сумку и протянул Анне узкий острый осколок. — Только не знаю, может, врет. Однако ж денег не попросил.

— Нет, не врет, — ответила она, бережно взяв в руки хрупкое лезвие. — Его это вещь.

— Как чувствовал хозяин. Их, сказывал, будешь оберегать, если что... Я за вас, госпожа, и за маленькую хозяйку любому горло перегрызу, даже не сомневайтесь.

— Хорошо, Жак, теперь можешь заняться лошадыю.

Наступила осень. Анна Барбара с Илоной вернулись с побережья, где они провели остаток лета, в городские апартаменты. Жак все это время дневал и ночевал на текстильной фабрике либо в конторе, расположенной поблизости от порта, с головой погружившись в коммерцию. Он был еще не особо силен в грамоте и арифметике, и совсем не разбирался в моде, но все компенсировало какое-то животное деловое чутье. На кого можно надавить, а кому лучше потрафить, когда стоит поднять цену, а в каких случаях ее выгоднее опустить.

Иногда привозил домой отрезы материи.

— Хозяйка, какой цвет вам больше по душе?

— Пожалуй, этот.

— Очень хорошо. Мне еще надо кое-какие дела с местной братвой перетереть, дозволяете?

— Почему меня спрашиваешь?

— Ну как, раньше хозяин все вопросы решал. Теперь вот — вы.

— Нет, Жак, теперь ты. Только...

— Знаю, вы не любите гранширов.

— Я не люблю тех, кто заставляет страдать других.

— Что ж, урки не самое большое зло, хозяйка, и они здорово помогли нам с вампирами.

— Как знаешь. Вот еще что: больницы Святого Лаврентия срочно нужны перевязочные материалы. Сможешь помочь?

— Конечно, не извольте беспокоиться.

Она шла за ним по пятам уже более двух часов. Он шагнул быстро, не оборачиваясь, как будто стремился к какой-то лишь ему ведомой цели. На город опустилась ночь, и темнота обхватила ее своими ледяными щупальцами, изредка разжимая объятия в тусклом свете фонарей. Ноги промокли, а одежда пропиталась запахами нечистот, но она не замечала ни сырости, ни смрада.

Редкие прохожие бросали на нее удивленные взгляды. Возле таверны ей с грубым хохотом преградили дорогу два подвыпивших гренадера; она, сделав обманное движение, выскользнула и продолжила преследование.

Кавалер неожиданно остановился. Она вжалась в едва заметную нишу в стене. Нет, еще не время. Постояв немного в задумчивости, он вновь двинулся в путь.

На углу площади Сен-Пьер вдруг мелькнула знакомая тень.

— Серван! — ринулась она туда, позабыв обо всем. Но переулок опять оказался пуст. Похоже, она сходит с ума...

И снова в погоню, крадучись, бесшумно ступая в своих легких замшевых башмаках, не приближаясь, но и не отпуская его слишком далеко.

Ну вот, наконец, удобное безлюдное место. Анна ускорила шаг, вцепившись в рукоять стилета.

Человек резко обернулся.

— Негоже, мадемуазель, ходить здесь одной по ночам. Вы даже не представляете, насколько это опасно.

Красивый шевалье, богатая одежда. Аристократические черты лица. Боже, сколько привлекательных подонков встречала она в жизни!

— Я заблудилась, — быстро ответила она, прикидывая диспозицию.

Высокий мужчина, удар сверху в шею вряд ли получится. Остается — снизу, в печень. Она, сделав вид, что потеряла равновесие, качнулась влево, опершись рукой на его плечо. И тут же испуганно отпрянула.

— Вы носите кольчугу?!

— Да, — хрипло засмеялся он, — один мудрый человек растолковал мне, что глупо играть в благородство перед ночными грабителями.

— Так вы намеренно вышли на улицу в столь неурочный час?

— Разумеется. Весь нынешний вечер убил в поисках приключений. И вот Бог послал мне такой подарок. Я непременно должен доставить вас домой. Где вы живете?

— Далековато отсюда, на улице Шапелье.

— Ничего страшного. Все же спасти прекрасную незнакомку куда приятнее, нежели заколоть парочку мерзавцев.

— Хорошо. На вашу порядочность я ведь могу рассчитывать?

— Безусловно.

Когда они вышли на освещенное место, он удовлетворенно хмыкнул.

— А я оказался прав. Вы действительно поразительно красивы.

— Французские мужчины очень галантны.

— Так вы не француженка? По разговору этого не скажешь.

— Я родилась в Австрии. Это было бесконечно давно, в другой жизни.

— Да, я вас понял. Время измеряется не только годами. Видимо, вам многое пришлось пережить. Но в другом я ошибся, мы с вами где-то встречались.

— Вряд ли, в Нанте я совсем недавно.

— Так я тоже приехал сюда из Парижа всего пару недель назад. Может быть, там?

— Я никогда не бывала в Париже, — солгала она.

На пороге она обернулась.

— Вы зайдете?

— А вы этого хотите?

Анна ничего не ответила, но оставила дверь открытой. Он пожал плечами и шагнул внутрь. Похоже на жилище богатого торговца. А может, даже на контору.

— Присядьте, месье. Вы озябли... Я приготовлю горячее вино. По старинному немецкому рецепту.

— У вас разве нет кухарки?

— Она сейчас... Впрочем, неважно.

— Так вы здесь совсем одна?

— Для мужчины вы слишком любопытны.

Поколдовав на кухне, она разлила вино в массивные серебряные кружки с откидными крышками. Затем оставила одну и, оглянувшись, всыпала туда полсклянки белого порошка, извлеченного из секретного ящика.

Вернувшись в гостиную, она подала напиток кавалеру, невольно бросив взгляд на эфес его шпаги.

— Полагаете, она не соответствует моему положению? — усмехнулся тот.

— Женщины не разбираются в оружии.

— Зато в украшениях они разбираются прекрасно. Эта шпага стоит значительно дороже, чем может показаться. К тому же с ней связана удивительная история.

— Согрейтесь, потом расскажете, — ответила она, сделав небольшой глоток.

Он поднес кубок к губам.

— Нет, ну где же я вас все-таки видел? Не успокоюсь, пока не вспомню.

— Выпейте, чтобы прояснилось в голове, — холодно улыбнулась она.

— Надеюсь, — он снова занес руку, но тут же опустил ее.

— Кажется... Нет, вряд ли.

Она медленно приблизилась и молча приподняла свою кружку.

— Эту шпагу мне подарил один замечательный человек,
— он попытался отхлебнуть, но Анна ударила его по руке.
Кубок с грохотом упал, и вино растеклось по полу.

Он побагровел и схватил ее за запястье.

— Ты пыталась отравить меня?!

Неуловимым движением она высвободилась.

— Как видите, нет.

— Хотели отравить, но передумали... И корицу в вино добавили, чтобы заглушить вкус... Белладонна?

— Белый мышьяк, «эликсир наследства». Он без вкуса и запаха. Я же вам говорила — просто старинный рецепт.

— А, вспомнил наконец! Мы с вами столкнулись сегодня на рынке! Значит, следили за мной... Затем заманили сюда. Хотели убить. Но побоялись взять грех на душу. Да-а-а, я имел превратное представление о ночных грабителях.

— Я вовсе не грабитель.

— Стало быть, не кошелек мой вам нужен?

— Нет, конечно.

— Тогда что?

— Вот это, — она указала на шпагу.

— Ничего не понимаю! Так, немедленно выкладывайте мне все. Иначе передам вас в полицию, у них есть прекрасные средства для развязывания лживых язычков.

— Эта шпага принадлежала моему мужу. Я подумала, что если сейчас она у вас — значит, вы имеете отношение к его гибели. И поэтому вы должны были умереть. Но вы сказали — подарил...

— Вы жена де Грильона? — изумленно пробормотал он.
— Разве граф был женат?

— Я протестантка.

— Вот оно что! Тогда понятно. Когда мы столкнулись на рынке, вы ее увидели... И пошли за мной.

— Теперь ваш черед. Как шпага Сервана оказалась у вас? Подарил... Не мог он просто так ее кому-то подарить! Рассказывайте! Чтобы я не пожалела, что выбила кубок из ваших рук.

— Вы правы, я имею некоторое отношение к гибели графа. Невольное. Мы получили приказ короля об аресте де Грильона. Ваш муж ранил меня в той схватке. Его слова и его шпага перевернули мою душу. Я покинул полицию, чтобы никогда больше не арестовывать невиновных. А с настоящими преступниками я без труда разделяюсь и частным образом.

— Извините, ненависть застила мне глаза. Как могла я подумать...

— Я вас прекрасно понимаю. Но скажите, как же вы решились на убийство? Это ведь путь в ад!

— А вы не боитесь попасть в преисподнюю, убивая людей на войне? Или разбойников на улице?

Он пристально посмотрел не нее.

— Я начинаю завидовать де Грильону. Вы отважны и преданны.

— Разве вы не знаете, что зависть тоже смертный грех?
— слабо улыбнулась она.

— И умны. Да, вы правы, это недостойное чувство, и его нет больше в моем сердце. Теперь оно совершенно свободно...

— Умоляю, месье, продайте мне шпагу! Я заплачу любые деньги.

Он вынул оружие из портупеи и положил на стол.

— Ваш муж был удивительным человеком, мадам. Мне очень жаль. Без сомнений, его шпага должна принадлежать вашей семье.

Большая крытая повозка, доверху набитая вяленным мясом, сыром и овощами, катила по дороге из Пуатье в Нант. Средних лет мужчина время от времени понукал лошадь — рыночный день был уже в полном разгаре.

— Адель, моя крошка, — говорил он своей спутнице, юной, но уже вполне оформившейся женщине, — что-то мы припозднились сегодня. Все хорошие места, поди, давно заняты.

— Не беда, — беспечно откликнулась та. — Зато у нас

товар самый лучший.

— Сколько раз можно повторять: товар сам себя не продаст. Пора уж тебе в разум входить, хозяйюшка моя.

Она ничего не ответила, только сладко зевнула.

— Ладно, будем надеяться на лучшее, — продолжил он после некоторой паузы. — Если повезет, расплатимся, наконец, с ростовщиком. Куплю тогда тебе гребешок и зеркальце, как обещал, утешение мое.

Адель мечтательно улыбнулась и прильнула к его плечу.

Но над столь радужными планами черной тучей нависла гроза. Четыре человека, вид которых не предвещал ничего хорошего, выбежали из леса, примыкавшего к дороге. Свиные, небритые физиономии, грязная, вонючая одежда, тяжелые тесаки на боку.

Один налетчик, или «крутила», как здесь еще называли лихих людей, промышляющих грабежом путешественников, схватил под уздцы лошадь, другой, по всей видимости, предводитель, жестом остановив остальных, заглянул в повозку.

— Да, подфартило нам нынче, приятели мои, смотрите сколько добра. И женушка у хозяина такая сладкая!

— Все забирайте, — пролепетал торговец. — Ее только не трогайте!

— Заберем, заберем, даже не сумлевайся. Но не все, маленько оставим, мы же не изверги. И женку тебе потом вернем, не бойсь, в целости и сохранности. От бабы не убудет!

— Пощадите! Дочь моя невинное дитя! Люди вы или хри-

стопродавцы?!

Вместо ответа главарь ударил его кулаком в висок. Без злобы, просто чтобы не путался под ногами.

Третий разбойник, самый нетерпеливый, выдернул упирающуюся девушку из повозки и бросил ее на землю. Затем задрал ей юбку и, приспустив штаны, навалился на несчастную с резким свистящим выдохом.

Глаза его выкатились из орбит, он сделал несколько конвульсивных движений, сопровождаемых короткими, как будто идущими из нутра, стонами, и рухнул на заходящуюся в истошном визге жертву.

Чем вызвал неописуемый восторг у своих товарищей.

— Уже все? Вот славный малый!

— Недолго музыка играла!

— Отползай в сторону, скорострел, освобождай место другим!

Но насильник не двигался. Под дружный гогот предводитель грабителей рывком перевернул его на спину.

Остекленевший взор и застывший в муке оскал не оставляли сомнений — бандит был мертв.

Гибель соратника не умерила веселья остальных.

— Окочился, надо же!

— Надорвался, бедняга!

— Вот прекрасная смерть, клянусь непорочностью своей мамы!

Лица разбойников вдруг удивленно вытянулись. Взгляды

их уперлись в окровавленную руку главаря. Несколько капель медленно упали ему на сапоги. Пожалуй, для девицы это было многовато.

Атаман наклонился и распахнул замызганную куртку покойника. Из середины живота, подобно второму фаллосу, торчало острое стрелы, прошившей негодяя насквозь. Вожак отпрыгнул в сторону, затравленно оглядываясь по сторонам.

И он не ошибся. Послышался топот копыт — по дороге во весь опор мчался всадник.

— К оружию! — закричали грабители, хватывая клинки.

Наездник, в котором по одежде и гордому, непроницаемому взгляду без ошибки можно было распознать дворянина, легко соскочил с лошади, с пистолетом в одной руке и обнаженной шпагой в другой. С филигранной точностью зайдя с той стороны, где разбойники более всего мешали друг другу, он выстрелом в упор размозжил голову одному и безжалостным выпадом проткнул горло другому. Последний не стал испытывать судьбу и пустился наутек.

Без сомнений, он имел определенную сноровку в подобных делах, поскольку побежал не по дороге, и даже не к ближайшему лесу, откуда только что появилась веселая компания. А в противоположную сторону, по заболоченной низине, покрытой кочками и испещренной затейливыми ручейками.

Бежать, проваливаясь в чавкающую грязь, было нелегко,

да и до спасительных деревьев куда дальше. Однако всадник вряд ли решился бы преследовать здесь беглеца. Пистолет у него уже разряжен, да и не так просто попасть на таком расстоянии в движущуюся мишень.

Дворянин не спеша подошел к своей лошади, отстегнул от седла тяжелый охотничий арбалет и, хорошенько уперев его, натянул тетиву. Затем, заложив короткую стальную стрелу, вскинул оружие и тщательно прицелился. Задержал дыхание и плавно надавил на рычаг спуска.

Разбойник ничком упал в болото. Так вот откуда этот негромкий пронзительный свист!

Торговец, пошатываясь, подошел и бухнулся спасителю в ноги.

— Господин, назовите, ради Бога, свое имя, чтобы нам с Адель было за кого молиться до конца наших дней!

— Помолитесь лучше за четверых новопреставленных, — надменно ответил дворянин, поднимая бедного отца с колен. — Их душам это, полагаю, гораздо нужнее.

С этими словами он убрал на место арбалет, взобрался на коня и неторопливо проследовал своей дорогой.

Торговец с трудом доплелся до пребывающей в полном оцепенении дочери, оправил ее все еще задранную юбку и без сил повалился рядом с девушкой на траву.

— Хвала Всевышнему! Хвала Всевышнему!

— Госпожа, откуда у вас шпага хозяина?! — потрясенный Жак с благоговением поглаживал рукоять.

— От графа де Плермона. Он мне ее вернул.

— Так, стало быть, этот граф знает, кто вы?! Его надо пришить немедленно. А нам — поскорее убираться отсюда. Соберайтесь, хозяйка. Я пошел за лошадьми.

— Не нужно никуда уезжать. Де Плермон не предатель.

— А откуда у него шпага?

— Графу довелось участвовать в аресте Сервана. Пока разобрались что к чему, произошла стычка. Серван уложил двоих и ранил де Плермона.

— Хозяин... — тоскливо пробормотал Жак.

— И Серван после ареста подарил ему шпагу. Подозреваю, чтобы она не досталась начальнику полиции.

— Никому нельзя верить, госпожа, никому. А в особенности — ищейке д'Аржансона¹. Я обещал хозяину, что с вами и малышкой ничего плохого не случится. И сдержу свое слово во что бы то ни стало, вот так.

— Де Плермон не ищейка, это благородный человек. Он ушел из полиции, чтобы не творить больше несправедливости. И борется сейчас с преступностью самостоятельно. Ходит по ночным переулкам города, а днем выезжает на большую дорогу, чтобы защитить людей от грабителей и убийц. Как братья тамплиеры когда-то паломников защищали.

¹ Д«Аржансон, Марк Рене — начальник парижской полиции

— Так вот, оказывается, кто он таков, ваш Плермон! Это Охотник, который держит в страхе всю нантскую братву! Тогда и возиться не придется: шепну кому надо и его живо поставят на ножи.

— Жак, я запрещаю! — резко ответила Анна. — Я буду решать, ясно тебе?!

— Ох, не дело это, хозяйка, ох, не дело. Помяните мое слово.

— Значит, графа Охотником прозвали?

— Да, госпожа, так и есть. Только охотится он не на кабанов, не на оленей, а на людей. Днями, я слышал, опять четырех уколошил.

— Четверых разбойников...

— А хоть бы и так. Разбойники что же, не люди?

— Нет, Жак, не люди. Звери. Хуже зверей. Тем на роду написано зубами и когтями хлеб свой добывать. А люди все ангелочками рождаются. И потом по своей воле бандитами становятся.

— Не, не по своей, хозяйка. Я вон не хотел воровать, истинный крест, а пришлось...

— Все это уже в прошлом, Жак, уже в прошлом, — смягчилась она.

Большую часть времени Жак проводил в конторе, распо-

ложенной в пяти минутах ходьбы от их особняка на улице Сент-Круа. Домой заходил, когда надо было решить какие-нибудь вопросы.

— Мне, госпожа, надобно в Париж съездить, по делам.

— Поезжай, — кивнула Анна.

— Вернусь сразу, как управлюсь, недели через две.

— Хорошо.

— Если вдруг крайний случай, управляющий к вам обратится. Все доверенности на вас оформлены.

— Не беспокойся. И у меня к тебе просьба. Перевези тело Сервана сюда.

— Слушаюсь, хозяйка. Да, если деньги — тогда к банкиру. Дела у нас идут отлично, так что берите сколько надо.

— Граф всегда говорил, что ты, Жак, очень способный человек.

— Хозяин... Ох, тревожно мне, госпожа, вас одних оставлять!

— Ничего, если понадобится, к де Плермону обращусь. Он дом тут снял неподалеку.

— Ох, не нравится мне этот ваш Плермон, хозяйка, ох, не нравится! Помяните мое слово...

Анна Барбара улыбнулась.

— Если ты опасаясь, что де Плермон займет место Сервана, то можешь быть абсолютно спокоен.

Кривой пробурчал что-то невнятное.

— Ну, с Богом! Храни тебя Святая Дева!.. И шпага Сер-

вана, — она сняла со стены и передала слуге оружие.

— Это большая честь для меня, госпожа.

Жак направился в конюшню и вывел на улицу нетерпеливо пританцовывающую лошадь. Забрался в седло, махнул рукой провожавшей его хозяйке и тронул поводья.

Анна постояла немного на пороге, перекрестила фигуру всадника и закрыла дверь.

Но едва очертания Жака скрылись в вечерней мгле, к дому скользнула черная тень. Почти бесплотный силуэт легко, словно кошка, взобрался на второй этаж. Жалобно хрустнуло взломанное окно, и злоумышленник шагнул внутрь.

Вид незваного гостя, проникшего в детскую, был ужасен. Худое, иссиня-белое лицо, всклокоченные волосы, красные, воспаленные глаза.

Убедившись, что попал по назначению, вампир раздвинул губы в зловещей усмешке, обнажив желтоватые от длительного воздержания клыки.

Он бесшумно приблизился к кровати и потянул к безмятежно спящей малютке свои когтистые лапы.

Глава 2

Америка трепетала. Голливуд нес нешуточные убытки, на триллеры и хоррор зрителей теперь не затащить и силком, ведь настоящий, невыдуманный ужас царил сейчас вовсе не на экранах, а в душах людей. Круглосуточные заведения закрыты, путаны переквалифицировались в персональных инструкторов по фитнесу, а на пустых ночных улицах лишь усиленные полицейские патрули и барражирующие в воздухе военные вертолеты. Комендантский час не объявлен, но соблюдается по доброй воле почти повсеместно.

Агентство национальной безопасности, головную организацию страны по борьбе с нашествием вампиров, захлестнула волна настоящего трудоголизма. Перелом в битве, кажется, уже обозначился, но до окончательной победы еще так далеко... И огромная штаб-квартира Агентства в Форт-Миде, штат Мэриленд, пылает окнами все двадцать четыре часа, сотрудники днюют и ночуют на рабочих местах, а раскаленные телефоны звонят не переставая.

— Хэлло, дружище, это Сергей Кратов, еще помнишь такого?

Конечно, Дэн прекрасно помнил этого офицера Федеральной службы безопасности России по рабочим встречам в самом начале вампирского проекта. Никто тогда не понимал, что происходит; эксперты сверхдержав совместными

усилиями лихорадочно пытались разобраться в схемах распространения вируса и нащупать методы борьбы с надвигающимся апокалипсисом.

Саммит был чрезвычайно плодотворным, и только спустя какое-то время Дэн понял почему. Диаметрально противоположные подходы: американцы уповали прежде всего на компьютеры и технологии, а русские больше полагались на свои головы и руки. И когда все это складывалось вместе...

— Здорово, Серж, чертовски рад тебя слышать. Сто лет уже прошло, а как будто вчера... У меня сохранились очень теплые воспоминания о нашей совместной работе.

— Это хорошо. По двум причинам.

— Давай сразу вторую.

— Нет, определенно, вы, американцы, не умеете общаться. Вместо того чтобы поговорить по душам, тут же переходите к делу. Впрочем, так даже лучше. Чего нам, серьезным мужикам, сопли распускать? Я слышал, у тебя конфликт с руководством АНБ...

— Н-да, русские неисправимы. Казалось бы, уже давно нет никаких межгосударственных трений, а вы все еще продолжаете шпионить.

— Ты полагаешь, эта дорога с односторонним движением?

— Да нет, конечно, — вздохнул Дэн. — Ну и?

— Не хочешь сменить дислокацию? И окружение — на более дружелюбное?

— Даже не знаю, что сказать. Ты застал меня врасплох.

— Соглашайся. Поработаем вместе, как тогда. Королевский прием и поцелуи взасос во все части тела гарантирую.

— Да у меня и здесь полно забот.

— Кажется, ты не въезжаешь. У нас всех сейчас одна забота.

— Это да.

— Дэн, ты же любишь находиться на острие. В последнее время миграция вампиров резко усилилась, по понятным причинам. Театр военных действий переместился в Европу. У нас жесть что творится! Отсидеться за океаном у вас не получится.

— Так-то оно так... Понимаешь, Серж, не хочется выглядеть перебежчиком. Особенно учитывая конфликт с руководством.

— Уважаю, подобная щепетильность делает тебе честь. Не бойсь, этот вопрос мы уже отработали. Официальный запрос ушел вчера. Там, само собой, без персоналий, незачем лишний раз дразнить гусей. Но нам нужен ты и твоя команда. Да и каким к черту перебежчиком?! Перевод на более сложный участок фронта разве так называется?

— Ну хорошо, я подумаю. Посоветуюсь с товарищами, как ты любишь говорить...

— Думай, думай, это всегда было твоей сильной стороной. Хотя, признаться, я ожидал несколько иной реакции.

— И какой же?

— Что ты побежишь за билетами и за скотчем.

— Так, вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее. С чего бы вдруг?

— Ну, мне казалось, ты не упustiшь возможности пообщаться с Рэтом.

— Что-о-о?!

— Он здесь.

— Да иди ты?!

— Голову даю.

— А почему ты решил?

— На днях анализа погибшего вампира показали серьезные генетические отклонения. Мы уверены, что его убил твой вам-вам. Но чтобы убедиться на сто процентов, нужно еще поработать. Для этого, собственно, вы нам и нужны.

— Ясно. То-то я смотрю, затаился он...

— Неудивительно. Царь потянулся за своими подданными. Так и должно быть.

— Это меняет дело. Похоже, надо готовиться к командировке.

— Ждем тебя с нетерпением. Надеюсь, твои предпочтения в алкогольных напитках не изменились?

— Нет, — рассмеялся Дэн. — Скорее, усугубились.

Дэн проследовал в комнату отдыха, плюхнулся в кресло,

прикрыл глаза и поплыл по волнам нахлынувших воспоминаний.

...Откуда взялась эта нечисть — никто не знал. Сверхдержавы обвиняли друг друга в использовании военных технологий, но оказалось, что вампиры четко делятся на ветеранов и новичков, «матерых» и «желторотиков». А это означало, что корень проблемы уходит в далекое прошлое.

Дэн со своей подругой Наташей Грей оказались на переднем крае самой страшной войны в истории цивилизации, где на карту поставлено само существование человечества. Он занимался генетической стороной задачи, она — физиологической, уже получены первые положительные результаты, но до победы еще бесконечно далеко.

Дэну вспомнилась вдруг старинная легенда о том, как в незапамятные времена моряки избавлялись от крыс на кораблях. Их сажали в бочку и морили голодом, пока те не начинали пожирать друг друга. Последнюю объявляли «Царем крыс» и отпускали на волю. И Царь начинал расправляться со своими подданными. А что, если применить подобную тактику к вампирам?..

Захваченных вурдалаков распределили по камерам. Для наблюдения за процессом привлекли спецназ морской пехоты во главе с майором Питом. И вот, после множества просчетов и ошибок, перед ними Рэт, вампир вампиров, как окрестил его Дэн, или попросту «вам-вам». Ему ввели в кровь радиоактивные изотопы, чтобы отслеживать переме-

щения со спутников, и отпустили на свободу.

Царь уничтожил большинство подданных, но вдруг исчез с экранов мониторов. Дэн понял, что Рэт постоянно спускал свою кровь, чтобы избавиться от изотопов. И еще выяснилось, что вирус, которым заражен вам-вам, загадочным образом мутировал. Прокрутив компьютерную модель, Дэн обнаружил, что в организме Рэта постепенно накапливается яд, который неизбежно убьет его. Хорошо бы, если б это произошло уже после завершения миссии.

Однажды ночью Пит заявился в дом Дэна и Наташи. Оказывается, он давно превратился в вампира и постоянно вставлял палки в колеса, а теперь вот хочет покончить с ними. Дэн попытался оказать сопротивление, но разве мог он тягаться с командиром спецназа? Через несколько мгновений Дэн со сломанными руками оказался прикованным наручниками к батарее, Наташа — к спинке кровати, и Пит вот-вот бросится на девушку...

Неожиданно появляется следивший все это время за майором Рэт. Само собой, в сражении побеждает вам-вам. Царь кусает Наташу, он хочет дождаться ее превращения в вампира, а затем на глазах у Дэна расправиться с его возлюбленной. Но должно пройти какое-то время, и Рэт исчезает — куда они денутся? К счастью, Дэну удастся избавиться от наручников — когда-то он баловался такими с подружками. Кто бы мог подумать, что бывшие шалости выручат в минуту смертельной опасности?

Наташа заражена вирусом, но они уже достаточно изучили Рэту, чтобы изготовить необходимое противоядие.

...Дэн встряхнул головой и открыл глаза. Его надежды на то, что Царь вампиров скоро умрет, не оправдались. Рэту каким-то непостижимым образом удалось восстановить свой геном. Два выпавших прежде в РНК нуклеотида по очереди вернулись на свои места.

Хотя почему, собственно, непостижимым? Все вполне объяснимо. Похоже, Рэт, выйдя из-под контроля, не остановился на достигнутом и продолжил выдавливать из организма остатки изотопов. А поскольку первоосновой генной мутации служило как раз радиоактивное излучение, все и вернулось на круги своя.

Потом Рэт вдруг исчез. То есть — никаких следов деятельности. Ни малейших. Сначала Дэн, грешным делом, даже решил, что ошибся в своих расчетах и Царь все же почил вечным сном.

Затем его осенило. Ведь если Рэт избавился от изотопов, у него, получается, отпала необходимость в усиленном питании. Согласно физиологической модели, вам-ваму нужно есть не чаще раза в неделю, а если затянуть потуже пояс, то и в месяц. Стало быть, возложенную на него миссию Царь больше не исполняет. И ситуация вполне может качнуться в другую сторону.

Но тогда выходит, что Рэт сумел определить момент, когда он полностью восстановился...

А ведь это зацепка! Генетический анализ нельзя провести на коленке. Необходимо сложное и дорогостоящее оборудование, чистейшие реактивы, знания, наконец. Надо хорошо понимать, что и где искать.

Специальные агенты АНБ перетряхнули вверх дном все американские лаборатории, способные на такую работу. Ничего. Проверили по неофициальным каналам ведущие мировые центры. То же самое.

Неужели Рэт сумел построить собственную установку? Смог же он определить интенсивность излучения своей крови. Хотя это, конечно, неизмеримо проще. Проверили все поставки специфического оборудования, включая зарубежные. Учли возможность реэкспорта. И опять пусто.

И вот теперь загадка, мучившая Дэна на протяжении последнего месяца, неожиданно разрешилась. Причем самым незатейливым образом. Этот гад просто смылся!

Дэн проснулся среди ночи от боли в руках. Хотя гипс ему сняли уже давно, кости все еще периодически поднывали, особенно в сырую погоду. Он с нежностью посмотрел на свернувшуюся уютным клубочком Наташу.

— Бедненькая, что-то в последнее время она сама не своя, депрессия совсем замучила. Нет, все-таки мужские игры не для дамочек, тем более таких чувствительных.

Наташа зашевелилась и открыла глаза.

— Милый, я такая глупая! — сонно пробормотала она.

— Ты самая умная женщина на свете.

— Нет, глупая!

— Ты самая глупая женщина на Земле, — послушно ответил Дэн.

— Нет, правда, глупая. Нельзя все-таки шутить такими вещами.

— Что такое?

— Помнишь, я говорила тебе, что смогу точно сказать кое о чем только через два месяца?

— Конечно, помню.

— Ну так вот, теперь говорю. Я беременна.

— Не может быть! Когда это случилось? — ужаснулся он.

— Не волнуйся, — мягко улыбнулась она. — После того, как я полностью выздоровела. В один из визитов к тебе в больницу.

Она смущенно засмеялась и мечтательно потянулась.

— Ну слава богу! — облегченно выдохнул Дэн. — Это просто замечательно!

— Ты правда рад?

— Даже не представляешь как. погоди, зажмурься, пожалуйста, ненадолго.

Через минуту она почувствовала, что он опять появился рядом, и открыла глаза. Дэн стоял перед ней на одном колене.

— Малыш, я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой.

Потом жестом фокусника вытащил из-под кровати руку и протянул ей небольшую синюю коробочку — заветную мечту любой женщины.

— Ах! — в восторге вскрикнула она.

Затем с любопытством открыла футляр и осторожно, как котенок лапкой, пальчиками вытащила из паза драгоценный ободок.

— Какое красивое! Когда же ты его купил?

— Как только смог раскрыть портмоне.

— Негодник, и так долго не показывал?!

— Просто ждал подходящей минуты.

— Я подумаю, — рассеянно произнесла она, надев кольцо на палец и любуясь им на вытянутой руке.

— Я хочу вместе засыпать и вместе просыпаться, прожить с тобой всю жизнь, умереть в один день и лежать потом рядышком на кладбище.

Из ее глаз покатались слезы.

— Противный мальчишка, не дал даже немножко себя помучить... Родной мой, конечно же да!

— Дэн, боюсь, вам придется поехать в Москву, — директор АНБ Джон Миллз был из той редкой породы людей, ма-

нера общения которых становится тем непринужденнее, чем напряженнее складываются отношения с собеседником. — Русские просят о помощи, и отказать совершенно невозможно. Они довольно прозрачно намекнули, что хотят именно вас.

— Я готов, сэр.

— Кто вам еще понадобится?

— Мисс Грей.

Повисла пауза. Миллз терпеть не мог обсуждать то, что само собой разумеется.

— Группа майора Блейка, — продолжил Дэн.

— У русских очень квалифицированный спецназ, — заметил директор.

— Возможно. Но я не хочу быть у них заложником в силовых запросах.

— А если они будут против?

— Скажете, что это мое условие. Пусть как хотят.

— Похоже, Дэн, вы единственный на свете человек, который может ставить сейчас условия Москве, — улыбнулся Миллз.

— Сэр, ради дела я ставил условия даже вам, кого я уважаю безмерно больше, чем неизвестных мне русских.

— Это вы тот триллион долларов имеете в виду? — прищурился директор.

— Исключение подтверждает правило.

— Сынок, не надо превращать логическое построение

Цицерона в бессмыслицу. Там речь шла о том, что наличие исключений само по себе подтверждает существование правила, даже если оно явно не прописано в законодательстве. Не более чем красноречивый довесок к стандартной формуле «Ubi jus incertum ibi nullum». «Разрешено все, что не запрещено» в современном вольном переводе.

— Да знаю я, — ухмыльнулся Дэн. — Стандартный прием для доказательства недоказуемого. Сори, не удержался.

— Ладно. Отправитесь спецбортом прямиком на военный аэродром в Кубинке. По обычным каналам у вас будут проблемы с провозом оружия. Сколько времени потребуется на сборы?

— Думаю, пару дней. Нужно еще у Рика уточнить.

— Хорошо. Ну, с богом! И не пропадайте.

— Разумеется. И спасибо вам, сэр.

После аудиенции у директора Дэн сразу же направился к главе системных администраторов Роберту Нэшу.

— Робби, как ты уже, наверное, слышал, я отправляюсь в Москву. И мне там может потребоваться доступ к нашим компьютерам. Можешь это организовать?

— Чисто технически можно, конечно. Но будут серьезные организационные проблемы. Мне нужно прямое указание от Миллза. Уж извини.

— Получишь, не сомневайся. Иначе моя поездка станет наполовину бессмысленной.

— Хорошо. Организую тебе защищенный канал. Возьми пока ключ, — Нэш протянул смарт-карту. — А пароль пришлю по телефону непосредственно перед первым соединением. И не забудь сразу поменять его на что-нибудь позаковыристей. Ну, не мне тебя учить, большой мальчик.

— Само собой, не беспокойся.

— Так, приложения я тебе опубликую по минимуму, лишь те, без которых нельзя обойтись. Никаких системных утилит, никакого общего софта.

— Устраивает.

— Редактор нуклеотидов и сборщик генетических моделей?

— Да, думаю, этого будет достаточно.

— Ну, в случае чего, звони. Однако учти, что серьезные просьбы я приму только по видеосвязи. Чтобы тебя лицезреть. И обязательно упомянешь в разговоре одного из замов директора. Каждый раз разного.

— Это на случай работы под контролем? — развеселился Дэн. — Ты меня будто в стан врага засылаешь.

— Кто знает, куда оно вывернется, — невозмутимо ответил сисадмин. — Лучше перезаложиться на всякий пожарный.

— Всего все равно не предусмотритишь. Ладно, я тебя услышал.

— Теперь, работать сможешь только со своего ноутбука, я пропишу его параметры. И храни компьютер в безопасном месте. Ну, сейф у них попроси, что ли.

— О'кей.

— Данные на диске зашифрованы?

— Ну да.

— Смарт-карту из рук не выпускай.

— Да понял я, Робби. Я ведь большой мальчик.

— Хорошо, — улыбнулся Нэш. — Удачи тебе.

— Удачи всем нам.

— Как не поедешь? — в растерянности пробормотал Дэн, едва не выронив из рук пока еще пустой чемодан. — Что я там буду делать без физиолога? И потом...

— Да поеду я, поеду, — вздохнула Наташа. — Но не сразу, мне придется кое-какие обследования пройти.

— Какие-то осложнения?

— Да нет, обычная процедура.

— И сколько времени она займет?

— Ну, недели две, полагаю.

— Слушай, а может, тебе и вправду не ездить? К чему лишняя нервотрепка? Будешь здесь греться на солнышке, выращивать цветы, а?

— Даже не мечтай.

— Мы будем созваниваться каждый день. А в выходные — дважды.

— Нет, Дэн. В такой важный для нас момент жизни мне необходимо быть рядом с тобой. Кто-то только вчера хотел вместе засыпать и вместе просыпаться...

— Я и сейчас хочу. Но еще больше я хочу, чтобы вы были в комфорте и безопасности.

— Для нас это одно и то же.

— А может, мне тогда тоже немного задержаться?

— Не выдумывай. Что ты Миллзу и Кратову скажешь? Что бабские фанаберии тебя удерживают?

— А почему я что-то кому-то должен объяснять?

— Да потому что люди на тебя рассчитывают.

— Хорошо, уговорила. Я тебя люблю.

— А? Не расслышала?

— Я тебя очень-очень люблю.

— Ой, что-то у меня нынче с ушами, такой звон целый день стоит, ничего не разберу.

— Люблю тебя от минус бесконечности до плюс бесконечности...

Она улыбнулась и прильнула к нему.

— Я постараюсь уложиться в недельку...

— Я слышал, в Москве классные девчонки, — похоже,

Рик Блейк уже находился в плену командировочных настроений.

Его команда вместе с Дэном в окружении громадных баулов со снаряжением летели на вертолете из штаб-квартиры АНБ до военного аэродрома Эндрюс. Того самого, где базируется «борт номер один» — самолет президента США.

— Русские говорят так: «Нет некрасивых женщин, есть мало водки», — улыбнулся Дэн.

— Гы-гы-гы.

— Ладно, Дэн, колись уже, — охотно поддержал тему капитан Ари Шехтер по прозвищу Заноза. — На что клюют тамошние красотки?

— Как и везде, на настоящих мужиков.

— Ну, тогда мы вне конкуренции.

— Да я не про величину кулаков.

— Ха-ха-ха.

— И вообще не про величину.

— Га-га-га.

— Если только в области головы.

— Хи-хи-хи.

— Дэн, а что там вообще интересного есть в России?

— Ну, это кому как.

— По крайней мере, увидим, наконец, чего стоит в деле их легендарный спецназ!

Дэн попытался вернуть очередную остроту, но не успел. Машину основательно потряхнуло.

— Нас подбили! «Стингер»! — крикнул пилот, заглушая короткие автоматные очереди.

— Fuck!

— Shit!

— Снижайся, живо! — заорал сидящий в соседнем кресле Рик.

— Пошел ты! — огрызнулся пилот. — «Подхват», чтоб тебя!!

Дэн похолодел. Ведь так летчики называют ситуацию, когда вертолет становится неуправляемым. Как хорошо, что он не взял с собой Наташу!

Геликоптер нырнул носом вниз и понесся к земле, прямо в гущу зарослей заповедника Патаксент, которого они в этот момент достигли. Указатель авиагоризонта запрыгал словно безумный, и пилот вцепился в рукоятку, пытаясь удержать машину от опрокидывания. Наконец ему удалось выровнять крен, зависнуть на месте и с маху бухнуть вертушку на поляну. Аплодисментов, сопровождающих мягкую посадку, как это принято кое-где на гражданских воздушных судах, не последовало.

Морпехи, согнувшись под тяжестью снаряжения, бегом направились к ближайшим зарослям, подальше от дымящегося вертолета и открытого пространства. Там они выставили баулы в круг, как когда-то давно свои повозки их далекие предки-переселенцы. Затем, ошетилившись во все стороны автоматами, по очереди облачились в бронежилеты и каски.

Дэн, начавший процедуру в первых рядах, закончил ее последним. Рик, бросив на него скептический взгляд, воздержался от критической тирады, которую бы он непременно выдал в других обстоятельствах.

Майор короткими жестами отдал распоряжения.

— Придется открыть сезон охоты, — мрачно бросил Пол Сандерс, перешедший в группу Рика из пятерки Пита.

Пригнувшись, он углубился в лес в северном направлении, откуда на них и была произведена атака. Еще двое проследовали туда же, чуть поотстав. Лейтенант Кит Пирси выдвинулся южнее, прикрывая тылы.

— А мне что делать? — вполголоса спросил Дэн.

— Приткнуться и сидеть. Очень тихо.

— Перестань, Рик, я ведь неплохо стреляю, ты же знаешь.

— Без обид, Дэн, здесь работают по-настоящему серьезные мальчишки. А я за тебя головой отвечаю.

— С чего ты решил?

— Услышал «товарища Калашникова».

— Да этими автоматами полмира пользуется.

— Ты не понял. Почерк русского спецназа — стрельба короткими очередями по три патрона.

— А почему так?

— Особенности оружия. У автомата Калашникова отдача направлена не прямо в плечо, а чуть ниже, поэтому ствол при выстреле подбрасывает вверх. Стрелок меньше травмируется, зато кучность хуже. Но русские мастерски используют та-

кое свойство, стреляя короткими очередями в нижнюю часть цели. То есть вторая пуля идет в центр, а третья — немного выше. Какая-нибудь да попадет. Говорят, эту тактику придумали парни из группы «А», спецназа Кей Джи Би. Было там в свое время такое подразделение, ориентированное на контртеррористические операции. Так вот, если услышишь, что в каждой очереди ровно три выстрела, знай — перед тобой настоящие головорезы. Они таких как ты две сотни ухлопают и не поморщатся.

— Так уж и две сотни, — обиделся Дэн.

— Просто на большее у них боезапаса не хватит.

— И ты слышишь, что в очереди именно три выстрела?

Не два и не четыре?

— Представь себе. И что это калашников калибра семь шестьдесят два миллиметра.

— Так это Кратов, сука, нам ловушку подстроил!

— Да больше некому.

— Вот гнида коварная! Но как же они узнали, что мы полетим на вертолете?

— Не волнуйся, на трассе наверняка тоже засада, — усмехнулся сидящий рядом пилот.

— Ну, это вряд ли, — возразил Рик. — Скорее на Канин-роуд, чтобы заодно перекрыть аэропорт Типтон.

— Точно!

— Слушай, Рик, а в полицию нам не стоит позвонить? — спросил Дэн.

— Здесь недалеко станция контроля егерей, это их работа.

Вдруг умиротворяющий шелест листьев и жизнерадостные птичьи трели разорвали жесткие автоматные очереди. Цивилизация требовательно заявляла на природу свои права. Но перестрелка продолжалась всего несколько минут и завершилась так же неожиданно, как и началась.

— Все чисто, — раздался в шлемофоне спокойный голос Сандерса.

— Да, жидковат на поверку оказался хваленый русский спецназ, — разочарованно заметил Рик.

— Это не спецназ, — ответил ему Пол.

— Как?!

— Боевики, причем низкой квалификации. Иди сюда и сам посмотри.

Они выбрались из-за рукотворного бруствера и направились к месту недавней стычки. Все морпехи были, по счастью, целы и невредимы, а в кустах валялось несколько трупов в спортивных костюмах и кроссовках. Куртка у одного была расстегнута, обнажая короткий легкий бронежилет. Сандерс легонько пнул тело ногой.

— Гляди, чем эти чайники предохранялись от наших «германцев».

— Н-да, дилетанты... Вы прочесали округу?

— Я же сказал, все чисто.

Рик присел на корточки, внимательно рассматривая лежащий на земле автомат. Затем подобрал его, поднялся и вы-

пустил в воздух короткую очередь.

— Да, я ошибся, — произнес он. — Это действительно не спецназ.

— Почему тогда у них почерк профи? — спросил Дэн.

— Смотри, — Рик сунул ему под нос автомат, — ничего не видишь странного?

— Да нет, вроде, похож на обычный АКМ старого образца.

— Это как раз естественно, в подобной операции предпочтителен крупный калибр.

— А почему?

— Более предсказуемая траектория, сложнее укрыться за деревцем или тонкой перегородкой. Ну и останавливающее действие у тяжелой пули выше.

— И что с этим автоматом не так?

— Присмотрись внимательнее.

— На первый взгляд, все как обычно. Хотя и правда, переводчик режимов огня имеет три положения. Одиночный, автоматический, что может быть еще?

— Молодец, в корень зришь, — похвалил Рик. — У этого АКМ есть третий режим — короткая очередь в три патрона. Вот что сбilo меня с толку. Никогда прежде о таком не слышал.

— Все равно я ничего не понял. Если этот автомат создан специально для элитного спецназа, как он попал в руки обычных боевиков?

— Да нет, не думаю, что он для профи. Те и так все умеют. Скорее для новобранцев, чтобы учились работать как следует. Ну и патроны экономить, а то некоторые умудряются сразу весь магазин высадить. Все равно, начиная с четвертого выстрела, очередь улетает в белый свет.

— Кстати, у нашего M16A2 режим непрерывного огня тоже заменен на отсечку очереди после трех выстрелов, — заметил Пол. — Вот так-то.

— То есть, выходит, это не Кратова рук дело, — сообразил Дэн. — Стало быть, и командировка не отменяется.

— Хорошо, а то я уже настроился, — рассмеялся Рик.

— А не жалеешь, что это был не русский спецназ?

— Нет, конечно! Мне еще пожить хочется, — усмехнулся майор. — А если серьезно: мы готовы к такой встрече, когда понадобится. Но чтобы гореть желанием...

— Интересно, и кто же тогда натравил на нас этих террористов? — задумчиво пробормотал Дэн. — Вот кому, черт возьми, мы так сильно понадобились?

— Это не террористы, — ответил Сандерс.

— А кто?

— Это... вампиры.

Глава 3

Рука вампира, дрожа от вожделения, подбиралась к беззащитному ребенку все ближе и ближе... Но едва она коснулась висящей на шее ладанки, малышка распахнула огромные черные глаза.

Неведомая сила отбросила вурдалака от колыбели, ударила о стену и вышвырнула затем в окно. Невесть откуда взявшийся сквозняк заботливо захлопнул распахнутые створки — не дай бог, дитя простудится.

Рухнув на булыжную мостовую, вампир конвульсивно дернулся несколько раз в агонии и затих. Мелкие ноябрьские снежинки, медленно падающие с сумрачного вечернего неба, таяли в широко открытых остекленевших глазах и на желтоватых от длительного воздержания клыках.

Ранним утром по пустынным, едва присыпанным легким снежком, как будто убеленным сединой, улицам неторопливо тащилась унылая колымага. Рассохшиеся колеса, немилосердно поскрипывая, то и дело соскальзывали с обледеневших, словно смазанных маслом, камней мостовой. На козлах сидели два живописно одетых оборванца. Один, державший вожжи, зябко позевывал, рискуя ненароком вывихнуть себе

челюсть; другой мирно дремал, и голова его покачивалась в такт движению.

Редкие прохожие испуганно жались к стенам домов. Сви-сающая с борта повозки безжизненно болтающаяся рука выдавала ее скорбный груз — трупы убитых за ночь горожан.

Возница, приложившись к полупустой бутылке, толкнул в плечо своего товарища.

— Вона, гляди, еще один.

Он натянул поводья, но лошадь, до этой минуты совершенно покорная и флегматичная, проявила недюжинное упрямство, не желая сворачивать в переулок.

— Смотри-ка, опять доходяге нашему вожжа под хвост попала, — вздохнул кучер, укрощая строптивца парой добрых ударов хлыста.

— Не нравятся ему иные покойники, уж я давно приметил.

— Никак энтот живодером был.

— Али кровопивцем.

— Тьфу на тебя, окаянный! Не дай Бог!

Разбитые колеса колымаги остановились впритирку, едва не переехав вампира.

— Грузи жмурика, — велел возница.

— Снова волки, что ли, объявились?

— С чего ты взял?

— Глянь, у мертвеца-то одно ухо отгрызли.

— А ну как его и вовсе не было?

— Может оно и так. Давай-ка, пособи. Не бойсь, не цапнет.

— Тяжелый, ирод.

И телега, приняв очередной груз, продолжила свой печальный путь.

Жак ехал по пригороду Парижа Сен-Мишель, и грустные мысли терзали его. Вот тут, на улице Ада, расстались они в прошлый раз с хозяином. И ведь он сам, только он сам виноват во всем! Будь прокляты эти руки, державшие тогда вожжи! Зачем же, зачем свернул он на эту богомерзкую улицу?! Надо было сделать небольшой крюк через Фобур Сен-Жак! Глядишь, святой и помог бы, заступился за графа.

И встретился он снова с хозяином, вот дьявольская издевка, тоже на улице Ада, но на сей раз в противоположном конце города. Жак прикрыл веки, и рвущие душу картины поплыли у него перед глазами.

...Шарль Сансон, парижский палач, сын палача и отец будущего палача, жил в просторном двухэтажном особняке, за которым располагался громадный сад, скорее напоминающий парк. Кровавое ремесло приносило исполнителю приговоров весьма солидный доход. Хотя немногочисленные знакомые и отзывались о Шарле как об очень мягком и добродушном человеке, большинство обывателей боялись и нена-

видели его. И принимали как должное, что дом Сансона стоял на улице д'Энфер. Словно в насмешку, улица эта через каких-нибудь сотню шагов переходила в рю Парадис. То есть, образно выражаясь, палач проживал в Аду, но вместе с тем поблизости от Рая. И торговки рыбой, проезжающие в базарный день на рынок Ле-Аль по старой улице Святой Анны, могли по своему усмотрению свернуть хоть на Небеса, хоть в Преисподнюю.

В те времена тела и вещи казненных поступали в распоряжение исполнителя приговоров, который должен был либо за определенную мзду передавать их родственникам, либо оплачивать погребение невостребованных трупов из собственного кармана. Поэтому обслуживание людей знатных и богатых было, конечно, делом гораздо более прибыльным. Беда лишь в том, что эпоха, когда под нож косяками пойдут личности известные и состоятельные, была еще далеко впереди.

С содроганием вспоминал Жак, как подъехал тогда к дому на улице д'Энфер. Сансон принял его весьма радушно, видать, гости заглядывали сюда нечасто. И сразу провел через сквозной вестибюль первого этажа напрямик в сад. Мимо клумб с благоухающей лавандой они проследовали на боковую аллею, спасающую от уже начинающего припекать солнца. Палач не любил принимать посетителей при домашних.

Торг был недолгим. Сансон не заламывал несуразную цену за свой скоропортящийся товар. Особенно при виде за-

плаканной вдовы или, к примеру, почерневшего от горя слуги. Ударив по рукам, они обогнули особняк и оказались на внушительного размера переднем дворе, заполненном добротными постройками. А дальше — как в тумане. Заложённая доверху дровница... Сучковатые, сладко пахнущие поленья... Скрежет ключа в замке... Распахнутый зев ангара... Щербатая кирпичная кладка... Прогибающиеся ступени... Могильный холод подвала... Хозяин.

Чёрная ночь. Чёрные плащи. Чёрные, вымазанные сажей лица, как это принято у преступников, промышляющих под покровом темноты. Ворота, выходящие на улицу Нёв-Сен-Рок, беззвучно приоткрылись и затворились вновь, поглотив, словно чудовищная пасть, две фигуры. Проникнув за церковную ограду, святотатцы оказались фактически на строительной площадке.

Храм Святого Роха, заложенный юным королем Людовиком XIV и его матушкой Анной Австрийской ещё шестьдесят лет назад, почти все это время находился в заброшенном состоянии. Лишь недавно, благодаря средствам, собранным по лотерее, было возведено наконец центральное строение комплекса — часовня Богородицы. Круглой формы, подобно чаше лампы, освещающей тайные убежища первых христиан, она служила не только культовой, но и погребаль-

ной цели: цоколь часовни и кольцевой проход предназначались для захоронений прихожан.

Многое придется повидать церкви Святого Роха на своем веку. И хлесткие удары картечи, и бесконечные повозки со смертниками, тянущиеся от Консьержери к гильотине на площади Согласия, и нашествия распоясавшейся черни, и надругательства, и разграбления. А через пятьдесят лет тут сочетается священными узами брака самый известный сексуальный извращенец всех времен и народов маркиз де Сад. И земля не разверзнется у нечестивца под ногами, и не провалится он ни то что в геенну огненную, но даже не в холодный, остужающий непотребные позывы, подвальный склеп.

Но все эти напасти еще впереди. А сегодня юный храм, пока до конца не достроенный, давал последнее пристанище отошедшим в мир иной. Множество знаменитых и достойных людей со временем упокоится тут.

Вот почему четыре месяца назад Жак привез тело графа именно сюда, а не на переполненное кладбище Невинных, куда с улицы Ада было бы добираться гораздо сподручнее.

Десять ливров пришлось внести за место в крипте в церковную кассу, и это даже без панихиды. Плюс шестнадцать су непосредственно могильщику.

В углу кладбища мелькнула неясная тень.

— Ром, что это? — встревоженно обернулся Жак.

— Не бойсь, ничего страшного, — ответил его спутник, которого на самом деле звали Жеромом. — Души покойников. Они не опасны.

— И давно появились?

— Месяца с два-три.

— Не гони, приятель. Ты сколько тут служишь?

— Шеснадцатый годочек пошел.

— И где ж эти души прежде были?

— Так могилки-то раскопали, — пожал плечами Жером, поигрывая вынудой из-под плаща короткой, острой как бритва лопатой. — Вот они, бедняги, и ищут пристанища.

— Так раскопали-то сто лет назад. Еще старая королева жива была.

— Ну, не знаю... Это ты у нас таперича грамоте обучен, вот и растолкуй мне, откуда они появились. Только вреда от них никакого.

— Черти в аду тебе растолкуют.

Жак бросил мгновенный взгляд в другую сторону, и опять ему почудилось какое-то движение.

— Ох, не нравится мне это, ох, не нравится...

— А может, и не души, кто ж их знает. Но не мертвяки, это точно.

— Ты-то почему знаешь?

— Видал как-то раз. Жуть...

Они зашли в часовню, и Жером запалил потайной фонарь.

— Сюда, — указал он на вход в подземелье, обозначенный изображениями черепов и дымящихся курильниц.

Спустившись в крипту, могильщик отыскиал нужное место.

— Держи, — передал он светильник.

Озорно крутанув древко вокруг запястья, Жером вонзил заступ. Земля подавалась очень легко.

— Пусто, — озадаченно пробормотал он спустя какое-то время.

— Как?! — воскликнул стоящий за спиной Жак. — Ты не ошибся? — Мельком глянув в яму, он снова бросил настороженный взгляд назад, на вход в подвал. — Это точно здесь?

— Ты что, брат! Мы же вместе твоего хозяина тут похоронили.

— Так-то оно так. И где же он тогда?

— А я почему знаю?! Наверное, кто-то выкопал...

— Проклятье! Ром, — сурово сказал Жак, — хозяина надо найти. Поспросай у своих. Ты же знаешь, за мной не заржавеет.

— Это как Бог свят, — согласно кивнул Жером.

Едва несостоявшиеся гробокопатели вышли из часовни, как тени начали мелькать со всех сторон. Они закружили безумным хороводом, постепенно сужая кольцо и приобретая реальные очертания.

— Мертвяки! — в ужасе завопил могильщик.

— Не дрейфь! — с леденящим душу спокойствием произнес Жак, выхватывая шпагу. — Никакие это не мертвяки. Обычные вампиры.

— А-а-а-а-а!! — зашелся пуще прежнего Жером.

— Спиной к спине, каналья! — воскликнул Жак. — Отобьемся, чай не впервой. Эх, хозяина нет, уж он бы повеселился!

Уверенность товарища придала смелости и могильщику — он обернулся в противоположную сторону, грозно выставив перед собой лопату.

— Ром, осаживай, не махай! И лицо плащом прикрой, чтоб не обрызгало. Кровь ихняя ядовита очень!

Жак неуловимым движением, на одном выпаде, выколол ближайшему вампиру оба глаза. Тот завизжал и завертелся волчком, уступая дорогу. Тотчас появился другой, но и его постигла та же печальная участь.

— За мной!

— У-у-у-эх! — раздавался за спиной рев распалившегося не на шутку Жерома.

— Да полегче, бестия, говорят тебе!

Так, шаг за шагом, продвигались они в направлении уличных ворот. Вампиры несли жестокие потери, но продолжали наседать.

Вдруг послышалось негромкое шипение. Жак невольно отпрянул и взглянул под ноги, хотя вряд ли смог там хоть что-нибудь рассмотреть. К тому же встреча с ползучими га-

дами ему, облаченному в высокие кавалерийские сапоги, ничем дурным не грозила.

И тут же, как по мановению волшебной палочки, вурдалаки превратились опять в бесплотные тени, растворившиеся без следа среди замшелых могильных плит.

— Славное было дельце! — расхохотался, опустив свое страшное оружие, могильщик.

Кровь, залившая лицо и руки, смешавшись с сажей, придавала ему вид туземца, привезенного из далекой Америки.

— Ай да мертвяки! Пусть теперь только сунутся!

Жак печально взглянул на товарища.

— Извини, брат. Я же предупреждал...

Короткий удар шпагой, и он, не оглянувшись, зашагал прочь.

Над трущобами Нанта курился омерзительный дымок тлеющих человеческих душ. Ночлежки, кабаки и воровские малины, как магнит, притягивали отбросы общества. Между ними затесались лавчонки существ еще более презренных, паразитирующих даже на человеческом отребье: «фурга», или скупщиков краденого, и «людоедок» — старух, промышляющих сдачей вещей напрокат публичным девкам.

Грабители с большой дороги, беглые каторжники и мелкие жулики низшего разбора чувствовали себя здесь как ры-

ба в воде: стражи порядка появлялись тут лишь изредка, да и то в качестве клиентов.

Дома терпимости всех рангов не страдали от нехватки посетителей. Продажные полицейские и матерые уголовники, почтенные отцы семейств и закоснелые развратники — все они имели шанс вступить в своеобразное родство, даже не подозревая об этом. Но основную массу составляли, конечно же, истосковавшиеся по дамским прелестям моряки, коих в крупном портовом городе всегда ошивается предостаточно. Кроме матросов с невольничьих судов, которые, не имея недостатка в женщинах, предпочитали просаживать потом и кровью заработанные деньги в тавернах и кабаре².

В те времена Нант был одним из центров позорного, но очень прибыльного промысла, так называемого торгового треугольника. В европейских гаванях на борт кораблей принимали устаревшие ружья, порох и стеклянные бусы, и шли к западному побережью Африки. Там у местных царьков меняли промышленные изделия на рабов. Потом путь лежал в Вест-Индию, где живой товар продавали, и с грузом сахара и рома возвращались назад.

Больше всего работоторговлей занимались португальцы, но и англичане с французами тоже внесли сюда свою недостойную лепту. И три четверти французских кораблей, занимающихся этим отвратительным ремеслом, выходили тогда из

² Тогда кабаре еще не несло той окраски, как сейчас, и было просто заведением, где можно поесть и выпить (прим. автора)

Нанта.

Наиболее тяжелым и опасным был «средний пассаж» — из Африки в Америку. При погрузке на суда черных невольников, женщин отделяли от мужчин и помещали на корму, где меньше качает. Самых фигуристых содержали в отсеке между каютой капитана и кубриком команды, и весь двухмесячный трансатлантический переход использовали в качестве наложниц. Поэтому, сойдя на берег, матросы, пресытившиеся плавучим борделем, уже не устремлялись со всех ног в бордель сухопутный, как их собратья.

Справедливости ради стоит сказать, что моряки нанимались в подобные экспедиции крайне неохотно — только при хроническом безденежье или чтобы поскорее убраться из Нанта. А большинство вербовали просто вульгарным обманом — хозяева питейных заведений были обычно в доле с судовладельцами. Случалось, даже и насильно: стоило ослабить бдительность — и рекрут, опоенный зельем, продирает глаза уже в открытом море.

Каторжная работа, убийственный климат, болезни и бунты чернокожих сводили в могилу за каждый рейс чуть ли не каждого пятого, не меньше, чем среди перевозимых негров. Собственно, и сами они были на невольничьем корабле практически рабами, а в каком-то смысле даже хуже. За умерший живой товар капитан нес убытки, тогда как жалование погибшего матроса смело можно было записать в статью дохода.

Граф де Плермон, переодетый простолюдином, осторожно пробирался по грязным улочкам городского «дна», не реагируя на приставания стоявших чуть ли не на каждом углу «зазывалок», проституток низшего пошиба. Маскарад был тут жизненно необходим, ведь человека в богатом костюме почти наверняка очень скоро забили бы до смерти и, обобрав до нитки, нагишом спустили в Луару.

Что же делал де Плермон в этом богом забытом месте? Какой смысл искать преступников там, где едва ли не каждый четвертый — отъявленный головорез? Ответ предельно прост: граф выуживал здесь тех, кто встречается в подобных местах крайне редко — порядочных людей. Ибо они могли попасть тут в беду в любую минуту.

Подвыпившие крестьяне, возвращающиеся домой после базарного дня, заблудившиеся в городском лабиринте дети, случайные прохожие...

Окрестности публичных домов требовали самого пристального внимания. В особенности гнусные вертепы вроде этого, прозванные «скотобойнями», где несчастным женщинам приходилось ежедневно обслуживать невероятное количество клиентов. Не раз и не два де Плермон вырывал тут из цепких лап «матушек» сбитых с толку и запуганных молоденьких девчушек.

— Так... И что тут делает сие юное создание?

Схватив за руку, граф вытащил из темного закоулка на свет божий упирающуюся девушку.

— Пустите! Мне больно!

— Тебе будет еще не так больно, чертовка, когда я прикажу тебя как следует выпороть. Погоди-ка... Адель?!

— Господин Охотник?! Да, это я...

— Проклятье! Как ты здесь оказалась?

— Вы меня вспомнили, господин Охотник, вы меня вспомнили! Мы с батюшкой молились за вас каждый день.

— Какого дьявола ты тут делаешь, прелестное дитя?

— Я вовсе не дитя, сударь.

— Ты не ответила на вопрос, а это невежливо, мадемуазель.

— Не знаю. А впрочем... Я ничего не знаю! Мне некуда идти.

— Что стряслось?

— Папенька мой помер, — заплакала девушка. — Ростовщик забрал за долги все, даже на похороны не хватило. Спасибо, соседи помогли. Бог их отблагодарит за доброту.

— Ясно. А ну-ка ступай за мной.

Граф, не выпуская руки Адель, быстро двинулся прочь. Она едва поспевала.

— Как это произошло?

— Занемог он после того случая и вскорости скончался.

— А мать?

— Тоже умерла. Уже давно.

— Других родственников, что же, нет у тебя?

— Нету, месье.

— Вот окаянные времена!

— Простите меня, господин Охотник!

— Да за что же, бедняжка?

— Вы меня от разбойников спасли, а я... Сама хотела...

Стыдно-то как... Простите!

— Так ты знаешь, что это за место? — удивленно спросил граф.

— Знаю, — потупилась она.

— Нет, вы только послушайте! Знает она... Дрянная девчонка! Ничегошеньки ты не знаешь! Может, скажешь мне, какие мерзавцы обычно посещают эту «скотобойню»?

— Нет...

— Вот именно, лучше тебе и не узнать никогда.

— Простите...

— Беда мне с тобою. Ладно, поживешь пока у меня, а там что-нибудь придумаем... Постой... С маленькими детьми обращаться умеешь? Одной госпоже как раз нужна няня.

— Немного. Братик был у меня, но умер в младенчестве.

— Это худо.

— Я стряпать могу, стирать, убирать. На рынок ходить...

— Да, помню, ты отцу торговать помогала. Нет, кухарка есть у нее. Но может, горничной тебя возьмет? Пошли.

Она молча упала ему в ноги.

— А ну прекрати! Не смей никому сапоги целовать! Никогда! Ты же человек, запомни это. На коленях лишь перед Господом стоять можно!

Она подняла к небу мокрое лицо с дрожащими губами.

— Вот батюшка-то мой бедный возрадуется!

— Эй, мил человек, куда это ты поволок мою «горизонтальную»?!

Де Плермон оглянулся. В пяти-шести шагах от них стоял развязный, небрежно одетый тип с бегающими глазками сутенера. Правая рука демонстративно спрятана за спиной.

— Так ить, мил человек, вчера твоя, сегодня моя, а завтра одному Богу известно чья, — миролюбиво ответил граф, подражая манере речи незнакомца.

— Заплатить бы надо!

Вымогатель пронзительно свистнул.

— Заплати-и-ить? — протянул де Плермон, тревожно озираясь. — Что ж, это можно. Лови, — он сунул руку в карман и подбросил большим пальцем пол-экую.

Серебряный кружок, бешено вращаясь, завис высоко в воздухе. Сутенер проводил его долгим взглядом и вытянул левую руку. Монета шлепнулась в открытую ладонь. Пальцы несколько раз судорожно дернулись, пытаясь овладеть добычей. Но тщетно. Глаза, устремленные на желанный тро-

фей, не видели уже ничего. Колени безвольно подогнулись, и негодяй упал лицом в грязь.

Де Плермон, с окровавленным клинком, схватил за руку Адель и бросился в противоположную сторону. За спиной гулко отдавался топот чужих ног.

— Вон они! Дер-р-жи-и-и!

Граф свернул в ближайший переулок. Еще пару раз лихорадочно поменял направление движения. И наконец затаился в глубокой темной нише. Прижал трепещущую девушку к себе и зажал ей рот свободной рукой.

Уличное освещение, слава Создателю, было тут исключительно скверным. Вопли преследователей то приближались, то отдалялись, а через некоторое время и вовсе сошли на нет. Выждав на всякий случай еще с четверть часа, де Плермон вывел Адель из их убежища и торопливо зашагал подальше от этого гиблого места.

Глава 4

— Что-о-о?! — Дэн изумленно перевел взгляд на Рика.

— Это вампиры, — повторил майор.

— Вампиры никогда не пользуются огнестрелом, это же аксиома!

— Уже нет, получается.

— А здесь вообще зенитная ракета! Ты абсолютно уверен?

— Да. Один «матерый», остальные «желторотики». Нет, проверить-то, конечно, не помешает. Но это так, для проформы.

— Н-да... Организованные действия... Вскрылся нарыв!

— Похоже на то.

Дэн нервно ерзал на стуле в кабинете начальника отдела физической безопасности Джейкобсона.

— Логан, что у нас, черт возьми, творится, можешь объяснить?

— Новая фаза боевых действий у нас творится. Вами меняют тактику. Что ж, следовало ожидать, расшевелил ты этот муравейник не на шутку.

— Думаешь?

— Ну а сам-то как мыслишь? Действие рождает противодействие. Осталось только разобраться в механизмах.

— Так давай разбираться.

— Это, по большому счету, не ко мне. ФБР подключили на полную катушку, тут их поле деятельности.

— А, ну да.

— Там еще со времен сухого закона остались наработки по преступным группировкам. Кстати, Дэн, парни из Бюро проявили крайний интерес к твоему визиту в Москву. Хотят поручить тебе одно дельце.

— И что за дело?

— Сами расскажут, не хочу играть в испорченный телефон.

— Стало быть, ты уже связывался с ФБР?

— Конечно. Сразу же, как прошла информация о происшествии. До последнего времени у них не получалось зафиксировать ни одного контакта между вампирами. Хотя в прошлом, судя по историческим источникам, такое практиковалось. Шабаша какие-то устраивали. А они не на пустом месте возникают, нужна какая-никакая оргподготовка. И вот ситуация изменилась, прямо на глазах.

— Понятно.

— Теперь у Бюро есть возможность развернуться во всей красе. Пусть собирают информацию, устанавливают связи, им и карты в руки. Первая зацепка — выяснить, как к вамам попало оружие.

— Причем там очень характерные автоматы, ты в курсе? Даже наши морпехи о таких не слыхали.

— Тем более. И зенитные ракеты. Думаю, раскрутить источник будет не так сложно.

— Надеюсь.

— Как только структура организации прояснится, полагаю, пристегнут ЦРУ. У них огромный опыт разложения сообществ изнутри. Будут искать недовольных, несогласных, обиженных. Вбрасывать идеи, порождающие брожение. И вносить раскол: организовывать сепаратные движения, устраивать всевозможные подставы. И так далее и тому подобное.

— Отлично. Оставим все эти хитрости специалистам. Но меня волнует другое — как вампиры на нашу-то группу вышли?

— Да, ты прав, здесь уже моя печаль. Будем разбираться.

— Рик говорил, что по идее они должны были как минимум еще одну засаду выставить. На Канин-роуд или около въезда на Патаксент Фриуэй. Ну, чтобы все возможные пути нашего передвижения перекрыть.

— Мы проверили уличные камеры, ничего.

— Это плохо, лишние следы бы нам не повредили.

— Наоборот, это очень хорошо. Следов меньше, зато они гораздо глубже.

— Что ты имеешь в виду?

— Значит, они точно знали ваш маршрут. А это сильно

сужает круг поиска.

— Да, об этом я не подумал.

— Дэн, — улыбнулся Джейкобсон, — доверься профессионалам. У тебя, полагаю, и без того есть над чем подумать. Напиши, кому ты говорил о командировке. И что конкретно.

— Хорошо. Логан, не хочу на тебя давить, но пока мы не разберемся с ситуацией, повторять попытку довольно-таки стремно.

— Скажу даже больше. С этого момента настоятельно прошу согласовывать все ваши перемещения со мной.

Наташа встретила Дэна у самого порога и бросилась ему на шею.

— Милый, я бревно, — прошептала она трясущимися губами. — Я ничего не почувствовала...

— Малыш, ты сейчас о чем?

— Помнишь, Этьен в Париже все время твердил, будто я экстрасенс?

— Ну да, а что?

— Какой же я, к дьяволу, экстрасенс, если я ничего не почувствовала?! Ничего! Дрыхла, словно сурок, в то время как твой вертолет пылал в воздухе.

— Да вовсе он не пылал. Так, подымил маленько.

— А в новостях передали — сгорел.

— Так сгорел он уже на земле.

— Все равно. Ты чуть не погиб, а во мне ничто не шевельнулось! Понимаешь?!

— У меня есть объяснение.

— У меня тоже! Я тебя не люблю, вот в чем дело! Мне только казалось, что люблю. Не может по-настоящему любящая женщина не почувствовать смертельной угрозы своему мужчине. Не может!

— Брось. Скажи мне лучше, что ты ощутила, когда узнала?

— Страх... Животный страх.

— А это значит...

— И что это значит?

— Что ты за меня испугалась, правильно? А это, в свою очередь, свидетельствует...

— Что люблю? — она жалобно улыбнулась.

— Конечно. Несомненно. Безусловно.

— Надеюсь, ты прав... А о чем ты хотел сказать? Какое у тебя объяснение?

— Очень простое. На самом деле мне ничего не угрожало. Отличный вертолет. Великолепный пилот. Охрана из пяти лучших в мире спецназовцев. Самое надежное на свете снаряжение.

— Я знаю, ты меня пытаешься успокоить.

— Да, пытаюсь.

— И обманываешь...

— Нет, не обманываю. Да, происшествие неприятное. Да, определенный риск был. Но смертельной угрозы — нет, не было. Да и потом, реальную опасность ты бы наверняка почувствовала, разве не так?

— Думаешь?

— Конечно. Несомненно. Безусловно.

— Ну, хорошо, — она начала потихоньку отходить.

— Скажи, а я давно в последний раз говорил, что люблю тебя? — спросил он.

— Что-то не припомню, — слабо улыбнулась она.

— Лгунишка...

— Нет, просто забыла. Напомни, пожалуйста.

— Люблю тебя.

— Еще, родной мой, еще...

— Люблю тебя от верхушки Эвереста до самого дна Марианской впадины.

— Теперь запомню. Навсегда.

— А мне что-то подсказывает — вряд ли, — рассмеялся он.

На экране телефона высветился входящий звонок, и Дэн принял вызов.

— Привет, Дэн, это Сергей. Ты как?

— Да нормально. А откуда ты знаешь?

— Новости смотрим...

— И что же вы почерпнули из новостей?

— Недалеко от штаб-квартиры АНБ упал вертолет. И вы не прилетели. Связь вполне очевидна.

— Ну да.

— Это ведь не обычная авария была, полагаю?

— Увы. Знаешь, поначалу мы даже вас заподозрили.

— Обижаете. Недоверие к порядочности партнера еще можно списать на вашу патологическую манию времен коммунистического прошлого. Но вот сомнения в профессионализме — это уже слишком.

— С чего ты взял?

— Ну как, ты постоянно упрекаешь, что мы отслеживаем каждый твой шаг. Но для организации покушения зачем-то пригласили тебя к себе. Прислали официальный запрос, всячески засветили свой интерес. Вместо того чтобы элементарно подкараулить тебя на пробежке. Вот поскользнулся человек на мокрой глине и ударился головой о камень. Бывает. Или засохшее дерево на него упало. Или в квартире ночью электропроводка коротнула...

— Брось, Серж, не обижайся. Чего только не вообразишь, вылезая из подбитого вертолета! А доверие между партнерами тем и достигается, что говоришь о чем думаешь, не оглядываясь на дипломатические протоколы.

— Ладно, на друзей я не обижаюсь. И тоже говорю им что думаю.

— О'кей, — рассмеялся Дэн.

— Так когда вас теперь можно ожидать?

— Не могу в точности сказать. Это ведь сейчас, типа, военная тайна. В том числе и от меня самого.

Поздно вечером Джейкобсон вызвал к себе Дэна вместе с Риком. На скулах начальника отдела физической безопасности играли желваки.

— Информировую вас, господа, что подружка Пирси разместила позавчера в соцсети пост. Где сказано, куда и когда он отбывает.

— Тыфу, вот дура! — с досадой произнес Дэн.

— Вот идиот! — покачал головой майор.

— Пожалуй, Рик, ты ближе к истине.

— Как же так, мистер Блейк?! Вы и ваши люди прошли подробнейший инструктаж! На всех вас оформлен полный допуск!

— Это мой косяк, мистер Джейкобсон. Уверяю вас, мы сделаем надлежащие выводы.

— Надеюсь. Я требую, чтобы лейтенант Пирси был отстранен от операции.

— Само собой.

— Послушай, Логан, а маршрут там был обозначен? — спросил Дэн.

— К счастью, нет.

— Ага! Это значит... в нашей конторе живет «крот».

— Или жил.

— Ты Пита имеешь в виду? — догадался Рик.

— Его-его, кого же еще. Как считаешь, он ведь был знаком со схемами передвижения?

— Да, конечно, — ответил командир спецназовцев.

— Тогда понятно, — кивнул Джейкобсон. — Мы еще покапав на всякий случай, но полагаю, картина ясна.

— Стало быть, мы ошибались, когда думали, что вампиры раньше не общались, — заметил Дэн. — Получается, Пит имел с ними контакт и все слил.

— Получается.

— И вполне возможно, контакты между вами были достаточно активными. Просто мы о них ничего не знали.

— Да уж, дела... И еще выходит, что вамы мониторят Интернет.

— А это, кстати, тоже отличная зацепка. Можно обратиться к разработчикам популярных поисковиков, получить у них протоколы запросов и выяснить, кто интересовался такими вещами.

— Логично.

— Слушай, а может, мы вообще искали не там? Что, если коммуникации эти были не физические, а электронные? Через Интернет?

— Хорошо, я переговорю с ребятами из Бюро, но думаю,

они в этом направлении уже роют. А для нас важно понять вот что. Вампиры опасаются контактов АНБ с ФСБ или началась целенаправленная охота лично на тебя, Дэн?

— Н-да, этот вопрос меня тоже очень сильно интересует, — усмехнулся тот.

— В последнем случае даже неплохо, если ты побудешь какое-то время подальше отсюда.

— То есть, выходит, нам уже можно ехать?

— Да, поезжайте. И чем быстрее, тем лучше.

Наташа пристально смотрела на Дэна.

— И речи идти не может, теперь я тебя одного никуда не отпущу, — категоричным тоном заявила она. — Мне осталось еще несколько дней, подождешь, и отправимся вместе.

— Нет, вместе мы не отправимся, — в той же манере ответил он. — Ты полетишь рейсовым самолетом, я подниму статистику и подберу самую надежную авиакомпанию и машину. Даже не обсуждается, — чуть повысил он голос, заметив, что она хочет возразить.

— А ты не можешь поехать со мной? Обычным рейсом? — покорно спросила она.

— Нет, не могу. И ждать не могу. Ты же сама говорила.

— Мало ли что я тогда говорила. Дэн, я за тебя очень волнуюсь. Так мне будет спокойнее.

— А мне будет спокойнее, если ты останешься здесь. И Джейкобсон настаивает на скорейшем отъезде.

— Так и быть, — улыбнулась она. — Прилечу позже. Тем рейсом, каким ты скажешь.

— Ну вот и чудненько, — он попытался поцеловать Наташу, но та внезапно отстранилась.

— Пожалуйста, не касайся губами моей шеи. Неприятные ассоциации, прямо мороз по коже. Ужасно, Дэн, раньше я так любила, когда ты это делал...

— Извини, я не подумал.

— Ничего. Позвони мне сразу же, как доберешься до аэропорта.

— Хорошо.

— И как только приземлишься в Москве.

— Обязательно. И когда заселюсь в гостиницу — тоже.

— Слушай, Дэн... А ты думал, как мы назовем дочь? — спросила вдруг Наташа.

— А что, УЗИ уже показало?

— Нет, еще слишком рано.

— Ну, когда покажет, тогда и подумаем.

— Милый, давай назовем ее Илоной.

Этим умоляющим глазам можно было пообещать все что угодно.

— Конечно, малыш. А если родится мальчик? Надеюсь, не Серван?!

— Родится девочка, — твердо ответила она.

В силу специфики профессии начальник отдела физической безопасности Логан Джейкобсон был человеком чрезвычайно предусмотрительным. Несмотря на то что расследование инцидента не выявило каких-либо принципиальных проблем, он решил подстраховаться и исключить любые риски.

Планирование операции переброски группы в Москву Логан произвел лично, не привлекая никого даже из своих самых доверенных сотрудников. Маршрута передвижения не знал практически никто. Пилот должен был получить задание в запечатанном пакете, уже сидя за штурвалом самолета.

Ничего не подозревающих Дэна и морских пехотинцев загрузили глубокой ночью в тщательно проверенный закрытый фургон. Попросили выключить мобильные телефоны. Джейкобсон проинструктировал водителя, и машина окольными путями понеслась к аэродрому ВМС США Патаксент Ривер. И никакого сопровождения, ибо палка эта, как известно, о двух концах.

Глава 5

Жак вернулся из Парижа только через месяц. Понуро предстал перед хозяйкой, не в силах поднять глаза.

— Что случилось?

— Госпожа, тело хозяина выкрали. Две недели шерстил где только можно, но все попусту.

— Мог хотя бы весточку прислать. А то уж я и не знала что подумать.

— Не сердчайте, хозяйка, пока что учусь читать и считать. Но и письмо вскорости одолею, не сойти мне с этого места!

— Попросил бы кого-нибудь из своих.

— Нет, нельзя, — решительно покачал он головой. — Хозяин строго-настрого запрещал. Нельзя бумаге верить, только если доподлинно знаешь руку.

— Ну хорошо.

— Да и то... Знавал я одного пройдоху, он почерк так подделывал — ни в жисть не отличишь.

— Вот видишь.

— На этот случай хозяин меня хитрому фокусу обучил. Прежде чем к вам в Венгрию отправиться.

Анна лишь грустно улыбнулась.

— Так вот, — продолжил Жак, — как он изволил говорить, в письме непременно должно быть слово «непременно».

— Понятно, буду знать.

— Я зарядил на поиски хозяина братву, но пока глухо. Месяца через полтора думаю опять туда наведаться.

— Что ж, будем надеяться...

Зазвонил входной колокольчик, и Адель, одетая в белый передник, поспешила к дверям. Через минуту, с глуповатой улыбкой на лице, она впорхнула в кабинет, где работала хозяйка.

Анна Барбара пристально взглянула на служанку.

— Граф де Плермон, полагаю?

— Да, мадам.

— Проси.

Граф вошел в кабинет и опустился в предложенное ему кресло.

— Прежде всего хочу поблагодарить вас, месье, за Адель. Очень смышленная девушка. У Катрин действительно было слишком много обязанностей.

— Если бы вы знали, сударыня, откуда я эту смышленную девушку вытащил.

— Могу себе представить...

— Боюсь, вряд ли. Никто не может. Бесчеловечные времена...

— Бесчеловечными или человеческими времена делают

люди.

— Это так, но первое почему-то превалирует над вторым.

— Зло нахально выставляет себя напоказ, в то время как добро стыдливо прячется за спиной. Впрочем, к несчастью, вы правы. Поэтому каждый из нас должен делать для других все, что только возможно. Я много думала об этом и решила устроить приют для девочек-сирот — им приходится тяжелее всего. Попросила Жака подыскать подходящее помещение и нанять помощников.

— Исключительно благородное начинание. Позвольте мне компенсировать ваши затраты.

— Благодарю, но в этом нет необходимости.

— В таком случае я могу прислать врача, кто-то ведь должен лечить этих несчастных.

— Приют будет располагаться неподалеку от больницы Святого Лаврентия, и они готовы взять эти заботы на себя.

— Ну, коли так...

— Не обижайтесь, дорогой граф. Тем более что мне очень нужна ваша помощь в другом, не менее благородном деле.

— Внимательно вас слушаю.

— Я хочу открыть школу для детей бедняков, девочек. Вы знакомы с работами преподобного Демья из Лиона и отца Барре из Руана?

— Нет, к стыду своему.

— Преподобный написал обращение к властям Лиона о бедственном состоянии просвещения детей бедняков. Он

доказывал, что простые люди, не имея средств для обучения своих отпрысков, растят себе подобных, которые в свою очередь не в силах правильно воспитать следующее поколение. Именно отсутствие достойного образования приводит к тому, что так сложно отыскать хороших работников, в то время как улицы заполнены бродягами и лентяями. Раздавать бедным хлеб, когда они голодны, или одежду, когда им холодно, — значит предлагать лишь временные блага. Но хорошее образование — это постоянная форма милостыни, а развитие умов молодых людей — преимущество, из которого они будут извлекать плоды на протяжении всей своей жизни.

— Трудно не согласиться.

— И он добился, чтобы в Лионе, уже сорок лет назад, открыли несколько «маленьких школ» для девочек, ибо этот пол, по словам преподобного, более всего нуждается в поддержке добродетели, потому что слабость его велика и счастливый конец зависит в первую очередь от хорошего начала. И еще Демья отмечал, что было бы гораздо легче очистить город от домов с плохой репутацией, поскольку исчезли бы праздность и нищета, две главные причины проституции. Не из подобного ли заведения вы вызволили малышку Адель?

— К счастью, я подросел вовремя. Так чем же я могу вам помочь?

— Сейчас в Лионе и его окрестностях работает около двух десятков таких «маленьких школ», основанных когда-то преподобным Демья, однако, к сожалению, начинание

это не получило должного распространения. А вот отцу Барре удалось создать множество школ в Париже, Руане, Реймсе и других городах. И он учредил орден «Сестер младенца Иисуса», посвятивших себя преподаванию. Сама госпожа де Ментенон просила отца Барре прислать наставниц для ее пансионата в Сен-Сире, где воспитываются дворянские дочери, чьи родители умерли или разорились. А Мария де Гиз, известная своей благотворительностью, с помощью отца Барре устроила в своем великолепном дворце академию по подготовке преподавательниц.

— Увы, род де Гизов на Марии прервался, а их особняк приобрел, и не так давно почти полностью перестроил, принц де Субиз. И нет там больше никаких академий.

— Очень жаль. Так вот, орденом «Сестер младенца Иисуса» управляет теперь мать Мари-Мадлен Тиберж. И я бы хотела, чтобы вы написали ей с просьбой прислать одну или двух женщин для работы в моей школе. По указу короля учительницам полагается платить сто ливров в год. Я готова предложить сто пятьдесят, столько же, как и мужчинам.

— Почему же вы сами не напишите?

— Полагаю, ваша просьба будет выглядеть весомее.

— Понятно... Хорошо, я помогу вам, однако у меня есть одно условие.

— Какое же, сударь? — удивленно подняла она брови.

— Финансировать школу мы будем на равных началах.

— Пусть будет по-вашему. Орден располагается в Пари-

же, на улице Сен-Мор.

— Напишу сегодня же.

— Благодарю, вы меня весьма обяжете.

Заботы о приюте захватили Анну Барбару полностью. Необходимо было решить множество вопросов об обустройстве, приобретении утвари, питании, распорядке дня. И даже о цвете стен и расстановке мебели. Приют ведь станет бедняжкам родным домом, а в родном доме не может быть мелочей.

Но сегодня какая-то неясная сила вдруг заставила ее бросить все дела и неудержимо повлекла домой. Камни мостовой прыгали перед глазами, а стены зданий ходили ходуном. Неторопливые прохожие путались под ногами. На пересечении с улицей Рыбного рынка застряла, перегородив дорогу, груженная бочками повозка. Ну проезжай же скорее! Угол церкви Святого Лаврентия... Быстрее, быстрее... Ну вот, наконец...

Анна распахнула дверь, ворвалась в дом и сразу же почувствовала присутствие чего-то постороннего.

— Адель! Илона!

Тишина.

Она взлетела на второй этаж, заглянула в детскую, затем в комнату прислуги. Никого. Неужели опять почудилось? Нет,

быть того не может! Что-то непривычное, но вместе с тем до боли знакомое...

Она бросилась во флигель, где располагалась кухня. Сонная кухарка возилась у плиты.

— Катрин, где Адель?! Где моя дочь?!

— Не знаю, хозяйка. Давеча здесь были.

Анна поспешила назад, проверила гостиную, гардероб, чулан. Пусто... Беспокойство переросло сначала в панику, а затем в ужас. Неужели Адель?! Откуда граф притащил ее? Серван ведь предупреждал! Неужели...

Она выбежала во двор. В изнеможении опустилась на ступени. Слава Богу... Слава Богу!

Адель с малышкой на руках подошла к хозяйке.

— Вот, решили погулять, погода нынче чудо как хороша.

Что с вами, мадам? Вам плохо?

— Ничего страшного. Кто приходил?

— Никого не было.

— Что, и де Плермона тоже?

— Нет.

— Странно...

— Уверяю вас.

— Ладно. Наверное, показалось. Илона не замерзла?

— Нет, мы вышли совсем недавно.

— Ну хорошо. Дай ее мне.

Анна обхватила ребенка обеими руками, и только теперь ее стало потихонечку отпускать.

На следующий день, выходя из дома, Анна Барбара всунула между дверью и косяком тоненькую щепочку, почти незаметную снаружи. Так делал когда-то Серван, чтобы обнаружить визиты непрошенных гостей.

Затем она направилась по улице Сент-Круа в сторону приюта, но неожиданно краем глаза заметила на углу какую-то фигуру. Похоже, ее опять кто-то преследует. Люди д'Аржансона? Но отчего они тянут с арестом? Вампиры? Но почему тогда не нападают?

Анна ускорила шаг, машинально нащупав рукоять стилета, с которым не расставалась вне дома никогда. На улице было безлюдно. Оглядываясь по сторонам, она подошла к площади Менял, как вдруг из-за поворота на нее налетел высокий человек в темной одежде и крепко обхватил руками, не позволяя пошевелиться.

— Господи, Анна! — граф де Плермон опустил ее на землю и сделал шаг назад. — Как же вы меня напугали!

— Извините, месье, мне показалось, что за мной кто-то идет.

— В самом деле?

Он заглянул за угол и внимательно осмотрел улицу.

— Как будто никого.

— Видимо, я ошиблась.

— А если нет? Никогда нельзя недооценивать опасность, сударыня. Отныне я буду сопровождать вас. По крайней мере, когда вы одна.

— Не думаю, что в этом есть смысл.

— Вынужден настаивать. Пока ситуация не прояснится. Тем более, у нас с вами очень много работы.

— Ну, как вам будет угодно. Впрочем, наверное, вы правы. Спасибо.

— Вы ведь теперь в приют направляетесь?

— Да. А что насчет наставниц?

— Вот как раз хотел вам рассказать. Через полторы недели приедут две женщины, надо будет их устроить.

— Чудесно, прямо сейчас этим и займемся.

— А давайте устроим школу непосредственно в приюте.

— Мне приходила та же мысль, но, по всей видимости, не получится. Эти заведения должны располагаться рядом, но все же по отдельности. Жак сказал, что так проще оформить. Кроме того, нужно предусмотреть возможность расширения. Какой-то персонал, безусловно, будет общим.

— Хорошо, вам с Жаком виднее, — улыбнулся он.

— Я присмотрела помещение, давайте взглянем на него. И если у вас не будет возражений, Жак завтра же заключит сделку по аренде.

— Но вы ведь обещали...

— Милый граф, я сдержу свое слово. Расходов предстоит уйма, насчет этого можете даже не беспокоиться.

Они дошли до улицы Опасного прохода, где находилось нужное здание, вошли внутрь и не торопясь осмотрели помещения.

— Вот, смотрите, просторная прихожая и четыре гостиные. В той, что поменьше, поселим наставниц, остальные для занятий. Если все пойдет благополучно, попросим прислать третью девушку, а пока свободную комнату можно использовать под склад. Питаться учительницы будут в приюте.

— Прекрасно, — кивнул граф.

— Вам нравится?

— Да, вполне.

— Тогда на том и порешим. Как только Жак оформит аренду, займемся с вами обстановкой.

— Вы теперь домой?

— Нет, надо еще зайти в приют, но это ненадолго.

— Не возражаете, если я составлю вам компанию?

— Разумеется, нет.

Они перешли на другую сторону улицы, где располагался приют. Анна закончила там свои дела и в сопровождении графа отправилась домой.

— Я вот что хотел сказать вам, сударыня, — начал он. — Все, чем вы занимаетесь, очень важно, вне всяких сомнений. Однако мне больно видеть, как вы налагаете на себя епитимию. Живете словно монахиня, хоть и не в монастыре. Вам нужно хотя бы какое-то время уделять себе. Выходить в свет, совершать прогулки, посещать концерты, смотреть пьесы.

— Я сейчас занята, граф. Приют и школа в начале становления. И ребенок требует постоянного внимания. Я не могу доверить его кормилицам, няням и воспитательницам, как это заведено в нашей среде. Я хочу сама видеть, как Илона растет, играет, учится говорить и ходить, а в будущем желаю знать, о чем она думает и о чем мечтает. К тому же не люблю званые вечера и помпезные балы, непомерное чванство и глупые разговоры. А в остальном вы, безусловно, правы.

— Но если я прав, то?..

Она улыбнулась.

— Я обожаю верховую езду. Вас не шокируют дамы в мужском седле?

— Готов с этим смириться, — ухмыльнулся он.

— Ценю вашу жертву. Во Франции это действительно не принято. Но в Венгрии — наоборот.

— Скучаете по Венгрии?

— Конечно. Но куда больше я скучаю по Сервану. Простите, — спохватилась она.

— За что же?

— Полагаю, мужчинам неприятно, когда при них упоминают других мужчин.

— Напротив, сударыня, это делает вам честь.

— Я рада, что вы не обиделись.

— Тогда, может быть, завтра?

— Нет, не получится, слишком многое нужно сделать. Вот послезавтра, если вы не возражаете...

— Хорошо. Я за вами заеду.

На пороге дома они простились. Дождавшись, пока граф немного отойдет, и оглядевшись по сторонам, Анна Барбара внимательно осмотрела дверь. Щепочка осталась на прежнем месте. Однако войдя внутрь, Анна опять почувствовала чужое присутствие. Она подробно расспросила служанку и кухарку. Обе в один голос заверили, что никаких посетителей сегодня не было. Странно, очень странно. Определенно, с ней происходит что-то неладное.

Анна распорядилась поставить на все окна новые запоры, которые невозможно открыть снаружи. И, уходя из дома, каждый раз наносила на обе входные двери — уличную и ведущую на внутренний двор — секретные метки. Но таинственный визитер больше не появлялся. Испугался он или ей просто что-то почудилось? Первое время ее не оставляло чувство какой-то неведомой опасности, но постепенно оно сошло на нет.

Целыми днями Анна пропадала в приюте и в школе. Затем возвращалась домой и занималась с дочерью. А потом до поздней ночи читала книги, выписанные из Парижа. Труды Демиа, Барре, Ла Салля и Фенелона. «О воспитании девиц», школьные регламенты, принципы и методики обучения.

Сегодня они с де Плермоном, вернувшись с улицы Опас-

ного прохода, зашли в кабинет и проработали еще несколько часов. Адель, освободившись от своих обязанностей, назойливо крутилась поблизости. После того как граф ушел, Анна позвала служанку.

— Адель, я понимаю, ты влюблена в де Плермона. Только учти, что своей навязчивостью ты добьешься цели совершенно противоположной.

— Что вы, мадам, — она залилась краской, — да как я смею?

— Думаешь, это незаметно?

— Я просто очень волнуюсь в его присутствии. Ведь граф дважды спасал меня от такого...

— Дважды? Он мне не рассказывал.

Адель поведала историю об избавлении от лесных грабителей.

— Ну что ж, полагаю, граф достаточно благороден, чтобы не воспользоваться твоей глупостью.

— Что вы, он на меня даже не посмотрит.

— Да, конечно, ты ему не ровня. Но вовсе не из-за того, что себе воображаешь. Сословные различия — не самое непреодолимое препятствие. Ты должна быть интересна мужчине прежде всего как человек, не только как женщина. Понимаешь?

— Да, мадам.

— Говоришь ты хорошо, правильно. Где-то училась?

— В монастыре урсулинок.

— Читать, писать умеешь?

— Да, и считать тоже.

— Ну-ка прочти, — Анна протянула листок.

Адель зачитала несколько абзацев.

— Недурно. Действительно, умеешь. Но надо двигаться дальше. А вообще, учиться тебе нравится?

— Да, мадам.

— Прекрасно. Тогда поступим так. Я попрошу учителя, который с Жаком в конторе работает, приходить потом сюда и заниматься с тобой. Историей, философией, искусством. И еще нужно много читать. Романов не могу предложить, у меня их нет. Спрошу де Плермона, может, у него найдется. Держи пока: Ла Салль, о правилах благопристойного поведения и этикета, тебе пригодится.

— Спасибо, мадам. Только бесполезно это, граф ведь вас любит.

— С чего ты взяла?

— Вижу. Он так на вас смотрит...

— Также мне, видит она. Да и вообще, при чем тут граф? Когда Илона вырастет, чем будешь заниматься?

— Не знаю.

— Ну вот видишь. А если получишь образование, наставницей в нашей школе сможешь работать. Или Жаку в конторе помогать. А замуж выйдешь — будешь детей своих учить, да и соседских тоже. Не пропадешь.

— Спасибо, мадам.

— Все, можешь идти.

Анна Барбара и граф де Плермон, в костюмах для верховой езды, проехали по мостику через Эрдр, приток Луары, и шагом двинулись по пригороду Биньон. Впереди, насколько хватало глаз, тянулись поля, припорошенные снегом. Дорожки немного раскисли, так что менять аллюр было небезопасно.

— Как поживает наша прекрасная маленькая мадемуазель? — спросил он.

— Спасибо, граф, все благополучно.

— Очень хорошо.

— У меня есть другая маленькая мадемуазель, влюбленная в вас по уши, — улыбнулась она.

— Да будет вам.

— Уверяю вас. Так что будьте осторожны. Кстати, не могли бы вы подобрать для нее какую-нибудь беллетристику? Наша библиотека почти полностью осталась в Париже.

— Адель умеет читать?

— И весьма неплохо. И даже считать.

— А, ну да, вспомнил, она же помогала отцу в торговле.

— А между тем, я на вас сердита. Адель рассказала, как вы спасли ее с отцом от разбойников. А почему мне ничего не говорили?

— Видите ли, я полагал, что вы неодобрительно относитесь к моей деятельности.

— По защите людей?

— По наказанию преступников.

— Это непростая тема. С одной стороны их нужно наказывать, а с другой — они ведь тоже люди.

— Подозреваю, вы были бы иного мнения о негодях, напавших на Адель, не подоспей я вовремя.

— Возможно. Но есть иное решение борьбы с преступностью, помимо жестокости. Обучение и воспитание. Отец Барре писал, что мы должны больше сосредотачиваться на установлении добра, чем на уничтожении зла. Добро воцарится, и зло уже не сможет существовать.

— Но пока зло существует, его надо искоренять.

— Зло искоренить невозможно. На место казненных преступников придут другие. Но можно предотвратить их появление. В том числе установлением добра, обучением и воспитанием.

— Однако же мы с вами занимаемся девочками. А разбойниками становятся по большей части мальчики.

— Вы правы. Я подумаю об этом. Так у вас найдутся книги для Адель?

— Да, конечно. Я вам завтра принесу.

В этот момент они выехали на широкую и твердую дорогу.

— Ну что, теперь наперегонки? — задорно спросила она.

— До той дальней мельницы?

— Даю пятьдесят туазов форы.

— Берегитесь, граф, я частенько обгоняла мужа, а он был превосходным наездником.

— Надеюсь, не настолько хорошим, как фехтовальщиком?

— О, я помню, он вас ранил. Мне очень жаль.

— Напротив, я ему даже признателен. Что такое рана? Но благодаря ей я стал другим человеком. Кроме того, не забывайте, что как раз через шпагу вашего мужа я и познакомился с вами.

— О да, обстоятельства нашего знакомства были весьма экстравагантны, — рассмеялась она. — Боже, я ведь чуть не отравила вас тогда!

— Умереть от столь прекрасной руки — что может быть романтичнее?

— Вы настоящий рыцарь, граф. Как будто явились сюда из средневековых романов.

— Если вы Изольда, разрешите стать вашим Тристаном.

— Я не Изольда, сударь, — строго сказала она. — А мерзавца Тристана следовало бы вздернуть на первом суку.

— Но бывают же разные жизненные обстоятельства, вы не находите?

— Есть обстоятельства, а есть долг и есть честь. Через них нельзя переступать ни при каких обстоятельствах.

— А я вот на всю жизнь запомнил слова вашего мужа, графа де Грильона, о том, что слепое следование глупым пра-

вилам бессмысленно, а иногда и опасно для жизни.

Вместо ответа она прищипорила лошадь.

— Хей!

Полтора месяца пролетели незаметно, и Жак опять засобирался в Париж.

— Госпожа, я отлучусь на пару недель. С братвой перетереть насчет хозяина. К тому же он велел время от времени проверять тайники. В случае чего, управляющий срочные бумаги вам принесет.

— Так ты до сих пор продолжаешь эту войну?

— А как же?..

— Я против. Вампиризм — это болезнь, а больных нужно лечить, а не убивать.

— И как же их лечить, хозяйка?

— Не знаю. Но наверняка со временем что-нибудь придумают. Беда лишь в том, что пока никто этим даже не занимается.

— Ох, сомневаюсь я, госпожа, ох, сомневаюсь.

— Можешь не сомневаться. Черная оспа целые города опустошала, но сейчас, я слышала, в Константинополе ее предотвращать научились. «Покупкой вариолы» местные это лечение называют. А христиане — инокуляцией. Ну а в медицинских книгах пишут, что подобное на Востоке уже

давным-давно практикуется.

— Но ведь многие больные и без лечения выздоравливают. Вампиры же — никогда.

— Во-первых, доподлинно это нам неизвестно. Кроме того, зараженные проказой тоже не выздоравливают, но их же не убивают.

— Прокаженные не нападают на людей.

— Большинство вампиров тоже не нападают, они питаются только кровью животных.

— Откуда вы знаете?

— Из книги Лилуса. А вы уничтожаете всех без разбора! Пойми, Жак, все в этом мире находится в равновесии. Волки убивают оленей. Но когда волков мало, еще больше оленей умирает от болезней и от бескормицы. А если волков слишком много, они сами погибают от голода. Так и здесь: чем сильнее вы охотитесь на вампиров, тем рьянее они охотятся на людей. Выходит замкнутый круг. Эту бойню пора прекратить.

— Даже не знаю, госпожа. А как же приказ хозяина?

— Я его отменяю. Вы с Серваном солдаты, но война — не единственный способ решения проблем. Еще Тай-гун писал, что лучшая победа — это победа без сражений.

— Кто таков этот Тай-гун?

— Древний китайский военный стратег. Его трактат я в библиотеке нашего парижского дома нашла. Серван говорил, один алхимик добыл для него и перевел.

— Месье Симон?

— По всей видимости. Это ведь он приготовил состав, позволяющий выявлять вампиров?

— Ну да.

— Так поручи ему сделать лекарство. А еще лучше — средство для инокуляции.

— Боюсь, не будет он меня слушать.

— Скажи, что я велела. Письмо ему передашь, я напишу, как греки прививки от оспы сейчас делают. В конце концов, деньги решают. Заплати столько, чтобы не смог отказаться. Есть такая возможность?

— Да, хозяйка, как прикажете.

Глава 6

Перед трапом военно-транспортного самолета группу Дэна встречал улыбающийся Сергей Кратов.

— Ну, привет, дорогой! Молодец, что не стал тянуть, — он обнял Дэна. — Со вторым рождением тебя! Расскажешь детали?

— Не сейчас. Не будем пока о грустном. Вот, держи подарок: «Скотч», он же лейтенант Макаллан, добрых два десятка галлонов двадцатипятилетней выдержки. Я ведь помню твои предпочтения!

— О, это же мой любимый сорт! — повернулся к лейтенанту Сергей. — Здорово, приятель.

— Для друзей просто Чак.

— О'кей.

— Болт, — протянул руку Сандерс.

Глядя на напряженное лицо Сергея, все рассмеялись.

— Это его позывной, — пояснил Дэн. — А в миру — Пол, прошу любить и жаловать.

Кратов неловко ответил на рукопожатие, чем вызвал еще большее веселье.

— Не волнуйся, это не то, о чем ты подумал. Капитан Сандерс у нас заядлый охотник.

— И какая связь?

— Прямая, учитывая, что он предпочитает арбалет.

— Понял, так у них стрелы называют, — расслабился Сергей. — Милости просим в Москву, мистер Вильгельм Телль.

— А кто это?

— Ну как же, самый знаменитый арбалетчик всех времен и народов.

— Не знаю такого, — пожал плечами Сандерс.

— А, ну да, он ведь швейцарец, — ухмыльнулся Кратов.

— Рик, — представился майор Блейк.

— Рик, а дальше?

— Ну, если хочешь, «шестой».

— Командир, стало быть. Добро пожаловать в компанию, Рик. Мы на вас очень рассчитываем.

— Не дрейфь, не подведем.

— Парни, позвольте рекомендовать вам подполковника Кратова, — подытожил знакомство Дэн.

— Ну что, по коням! — Сергей широким жестом указал на стоящие поблизости роскошные лимузины.

Кавалькада рванула с места и уже через несколько минут неслась на всех парусах по Можайскому шоссе.

— И как ощущаешь себя на исторической родине? — шутливо толкнул плечом Дэна Сергей.

— Хотел бы я еще знать, где она.

— Ну как же, судя по фамилии...

— Давно это было. Полагаю, предки эмигрировали из России во время революции. В Европу, и скорее всего во Францию или Германию. Без малого сто пятьдесят лет...

Впрочем, если копнуть поглубже, у всех нас историческая родина одна — Африка. Это я тебе как генетик говорю.

— Неандертальцев имеешь в виду?

— Да весь род Номо.

— Ладно, закрыли тему.

Кортеж пронесся по Кутузовскому проспекту и, не снижая скорости, свернул на Новый Арбат.

— Въезжаем в исторический центр Москвы. Знаменка, Моховая, Охотный ряд. Послушай, какие названия, поверти их на языке. Это же чудо!

Светофоры, как по мановению волшебной палочки, переключались в зеленый, инспекторы дорожной полиции отдавали им честь.

— Я слышал, конечно, что в России трепетно относятся к иностранцам, — удивленно заметил Дэн. — Но это как-то уж слишком. Вы всех американцев с такой помпой встречаете?

— Нет, только тебя.

— И еще мне говорили, что в Москве жуткие пробки.

— Да, так оно и есть. Но бывают и исключения, как видишь.

— Чудеса.

— Ну да. Рукотворные.

— Не понял.

— Все очень просто, мы едем сейчас в президентском кортеже.

— В каком смысле?

- В прямом. Ты сидишь в машине президента Российской Федерации.
- А он в курсе?
- Боюсь, что нет. Но президент нонче в отъезде, так что этот лимузин ему точно не понадобится. Можешь даже попрыгать на сиденье, в разумных пределах.
- И как тебе это удалось?
- У меня хорошие связи в ФСО³. И ребята из ГОН⁴ мне тоже кое-чем обязаны.
- Так постовые думают, что это проезд вашего президента? И поэтому нам честь отдают?
- Некоторые думают, да. Но это их проблемы.
- Почему?
- Когда в кортеже следует президент, на его автомобиле по протоколу устанавливается символ государственной власти — штандарт.
- Так он сейчас установлен?
- Нет, конечно. Я не самоубийца.
- А на крыле что развешивается?
- Обычный российский триколор. Я подумал — пустыми идти как-то не кошерно. Кто повнимательнее, поймет, в чем дело. А нет — извиняйте. Ничего, от них не убудет, пушай

³ ФСО — Федеральная служба охраны Российской Федерации, орган, занимающийся охраной первых лиц государства

⁴ ГОН — Гараж особого назначения, подразделение ФСО, ответственное за безопасное передвижение должностных лиц

тренируются.

— Тогда понятно.

— Тут еще такое дело. Я обещал тебе царский прием. Но президентский люкс в отеле предоставить не могу: бюджет по этой статье у нас довольно стесненный. Ну, хотя бы президентский выезд.

— Так у тебя точно не будет из-за этого проблем, Серж?

— А, плевать! Дальше фронта не пошлют.

— Я слышал, что у русских пофигизм в крови, но даже не представлял, насколько.

Кортеж въехал в Театральный проезд и остановился.

— Вот здесь будешь жить, — указал Сергей выбравшемуся из лимузина Дэну на гостиницу «Метрополь». — Очень удобно, каких-нибудь десять минут неторопливой походкой до Лубянки.

— Лубянка, говоришь...

— Что, ее знаменитые подвалы покоя не дают?

— Да как тебе сказать...

— Тогда должен тебя огорчить. Их как бы и не существует.

— Действительно?

— Нет, подвалы, конечно, имеются, как и почти в любом здании. И я не могу гарантировать, что там никогда не бы-

лю узников. Но вообще-то заключенные содержались в строении, расположенном во внутреннем дворе. То есть, образно говоря, арестованных в «подвалы Лубянки» не бросали, а поднимали. На лифте.

— Ясно.

— Но не расстраивайся, буквально в двух шагах от твоей гостиницы находится здание, именуемое в народе Расстрельным домом. Сечешь? Ничуть не хуже Лубянки, даже лучше.

— Н-да, весело.

— Постараюсь, чтобы твои окна на него выходили.

— Это еще зачем?

— Ну как же, а русская экзотика? Извини, медведей на улице обеспечить тебе не смогу.

— Так, Серж, постарайся, пожалуйста, чтобы окна моего номера *не* выходили на ту сторону.

— Что-то раньше не замечал за тобой такой чувствительности.

— Ты действительно хочешь об этом поговорить?

— Да нет, не особенно. Ладно, придется тогда сводить тебя в общественную баню.

— Это с женщинами, что ли?

— Общественная и общая — разные вещи. Но если хочешь, можно и с женщинами. Можно даже в порядке братания.

— А это как?

— Девушек приглашается столько же, сколько и мужчин.

И каждый должен отдраить каждую. Но это, сам понимаешь, для узкого круга.

— Ну а если каждую не получится?

— Тогда это расценивается как общее фиаско.

— А женщин обязательно столько же?

— Дэн, ты же аналитик.

— Понятно. Стало быть, побратимы не по крови, а... Ладно, возьму на заметку, — ухмыльнулся Дэн.

— Попробую организовать тебе номер на втором этаже, с видом на Птичью башню. Шестнадцатый век как-никак, — Сергей подвел Дэна к углу гостиницы. — Вот, полюбуйся. Кстати, это единственная из сохранившихся на сегодня башен крепостной стены Китай-города. Только мысленно убери хвостики над зубцами, они были обычными, прямоугольными. И крышей башню накрой — увидишь то, что было при Иване Грозном.

— Зубцам, видимо, позже вид кремлевских придали?

— Ну да, судя по всему.

— А насчет крыши ты уверен? Ведь столько веков прошло.

— Абсолютно. Иначе при дожде порох будет намокать. Тогда уже артиллерия активно использовалась. И еще обрати внимание — над пушечными амбразурами пробиты небольшие вертикальные щели, чтобы пороховой дым из башни быстрее выходил. Имеет смысл только в замкнутом пространстве. В общем, строители понимали толк в военном де-

ле.

— Хорошо, а крыша эта как выглядела? Чем была покрыта? Ну, чтобы мне представить.

— В точности не могу сказать. Может, лемехом, это такая деревянная чешуя наподобие черепицы. Но скорее всего, дерном — его сложнее поджечь. А может, мокрыми шкурами во время осады накрывали.

Кавалькада машин тронулась и исчезла за поворотом на Лубянскую площадь.

— Не понял, а где ребята? — удивленно спросил Дэн.

— Отбыли в свое расположение.

— А почему не сюда?

— Да не напрягайся ты, какой смысл спецназу в офисе торчать? В Балашиху я их отправил, в тренировочный лагерь ФСБ. Пусть с нашими парнями поближе познакомятся.

— С ними можно будет связаться?

— Конечно. Господи, Дэн, ты же не подумал, что мы их заарестовали? И бросили в подвалы Лубянки?

— Да кто вас знает...

— Какие же вы все-таки зомбированные. Верите всему, что вам болтают ваши газеты. Не волнуйся, ничего с твоими морпехами не сделается. Когда до спецопераций дело дойдет, вместе будем работать. А пока у нас самих дел выше крыши.

— О'кей.

— Пошли, вход за углом. Сейчас быстренько заселимся —

и в Контору. Там нас уже ждут. Не беспокойся, не следовательно. Хотя, как знать, может и следователь на огонек заглянет.

— Дэн, ты как предпочитаешь пройти — напрямки, под землей, или в обход, по улице? — спросил Кратов, когда они вышли из гостиницы на улицу.

— Лучше по улице.

— Прекрасно. Вот, прямо перед нами, в глубине, узнаешь это здание? Полагаю, в представлении не нуждается.

— Большой театр?

— Точно. А первый дом на противоположной от гостиницы стороне — это Малый театр, тоже императорский, но драматический. Первоначально это был общий комплекс, с единой труппой. Кстати, идем мы сейчас по улице Театральный проезд. Обычно проездами у нас называют небольшие переулки, а тут достаточно крупная магистраль. Объясняется тем, что до революции Большой и Малый посещали преимущественно люди богатые, и принято было в театр не *ходить*, а именно *ездить*.

— Ясно.

— А вот и подтверждение, далеко ни ходить, ни ездить не надо. Справа, под этой живописной аркой, начинается миленькая улочка, называется Третьяковский проезд. Построена на деньги известных московских меценатов. Ты навер-

няка слышал это имя.

— А, ну да, Третьяковская галерея.

— Ворота стоят как раз на месте стены Китай-города. Видишь, к ним примыкает воссозданный зачем-то участок укреплений.

— Ну как же, история...

— Нет, не история. Муляж. Я еще понимаю, когда восстанавливают разрушенный дворец. Он, помимо декора, несет и функциональную нагрузку. А этот фрагмент стены был скрыт до основания. Все, утерян он уже безвозвратно. Увы.

— Ну, не знаю. Хотя Наташа с тобой бы, пожалуй, согласилась. Она тоже к старине очень трепетно относится.

— В каком-то смысле я вообще против восстановления исторических памятников. Может, тогда люди бы поняли, наконец, всю невозвратность потерь. И хоть немного думали, прежде чем сносить.

— Боюсь, едва ли.

— А вот и Расстрельный дом. Тут в годы сталинских репрессий работала Военная коллегия Верховного суда. Рассматривали дела контрреволюционеров и изменников Родины, к коим тогда всех кому не лень причисляли. Вернее, тех, кого хотели уничтожить. Здесь, а вовсе не на Лубянке, выносились смертные приговоры, а зачастую, по слухам, и приводились в исполнение. Но это не точно. Теперь нам нужно перейти на другую сторону улицы, и мы утыкаемся в еще одно эпическое здание, окрашенное, к счастью, в не столь

мрачные тона. Магазин «Детский мир», объект культурного наследия регионального уровня. Бывший рай для подрастающего поколения.

— Почему бывший?

— Да потому что от него только шкурка осталась.

— Как это?

— Ну, представь себе апельсин. Но внутри его, предположим, папье-маше. Можно ли считать этот предмет по-прежнему фруктом?

— Нет, конечно. Скорее, имитацией.

— Вот и здесь то же самое. При реконструкции уничтожили внутренние интерьеры, превратив уникальный арт-объект в заурядный торговый центр, каких тысячи.

— Печально.

— Так, теперь заворачиваем за угол и оказываемся почти на финишной прямой. Почти — это потому что нам нужно зайти еще на Кузнецкий мост, в бюро пропусков, сделать тебе ксиву.

Оформив необходимые бумаги, Сергей препроводил Дэна в пятый подъезд здания на Лубянке. В отличие от небезызвестного фильма, где Штирлиц совал свое удостоверение прямо в физиономию стоящих навытяжку охранников, дежурные прапорщики выглядели здесь гораздо менее напряженными. Они брали документы посетителей в свои руки и изучали их чрезвычайно тщательно, внимательно сличая фотографию на пропуске с оригиналом.

Поднявшись в лифте на верхний этаж и пройдя по длинному коридору, Кратов распахнул перед Дэном массивную дверь. Миновав небольшой предбанник, он открыл еще одну дверь, затворяющую широкий, но довольно тонкий встроенный шкаф, и без колебаний шагнул внутрь. На самом деле то, что Дэн принял за мебель, оказалось узким тамбуром. Толкнув третью дверь, они оказались в просторном, отделанном темными деревянными панелями, кабинете.

Громадный стол для заседаний упирался во внушительный письменный стол красного дерева хозяина помещения. Над спинкой рабочего кресла, на том самом почетном месте, которое большинство здешних руководителей отводит портрету президента или основателя организации Феликса Держинского, висел плакат с вековой мудростью Омара Хайяма:

*Для наших глаз доступна видимость одна.
С поверхности воды не разглядишь ты дна.
Не следуй явному, лишь ложь лежит снаружи,
Тогда как истину скрывает глубина.*

— Ого! У нас такие апартаменты занимают только большие боссы.

— Вообще-то, и эти не то чтобы мои. Выделены специально под наш проект. А так все верно, раньше здесь сидели исключительно генералы. Впрочем, когда построили новое здание, то, что напротив «Детского мира», начальство в основном туда перебралось. И с помещениями стало гораздо

легче.

— А двойная дверь зачем? Звукоизоляция?

— Да. У нас же старинное здание, тоже объект культурного наследия, так что у любой модернизации существуют достаточно жесткие ограничения. Как видишь, всемогущая ФСБ намного почтительнее относится к соблюдению правовых норм, нежели коммерсанты.

— Да вы просто ангелы во плоти, — ухмыльнулся Дэн.

— Нет, мы то самое добро, которое непременно должно быть с кулаками, — в тон ему ответил Сергей.

— Ну да. У нас говорят так: «Хорошие парни финишируют последними».

— Ясно.

— Вид отсюда просто потрясающий, — завистливо вздохнул Дэн, подойдя к огромному окну. — Кремль будто на ладони. А моя лаборатория окнами на автостоянку выходит. Впрочем, как и у всех остальных.

— Пришлось приложить определенные усилия, чтобы тебе у нас понравилось.

— Мне понравилось, — улыбнулся Дэн. — Слушай, а все-таки, положив руку на сердце, не дискомфортно тебе тут сидеть, учитывая историческое наследие?

— Ничуть. Во-первых, корпус, в котором мы сейчас находимся, пристроен к Дому 2, как его здесь принято называть, уже после войны, поэтому к репрессиям тридцатых годов отношения вообще никакого не имеет. Но самое главное

— и старое здание имеет отношение постольку-поскольку. Вот где, — кивнул он в сторону окна, — издавались указы об упрощенном рассмотрении дел, подписывались расстрельные списки, оттуда спускались разнарядки, где и сколько проводить арестов. Отнюдь не на Лубянке. Но люди, которые пришли после Сталина, тоже были причастны ко всем этим преступлениям. Разве могли они допустить, чтобы геноцид ассоциировался с Кремлем? Вот и нашли стрелочников, как обычно.

— Ну, я так понимаю, речь идет об исполнителях. Неужели ты их оправдываешь? Что, они лишь отрабатывали приказы?

— Нет, конечно. Но неверно исполнителей искать только в государственной безопасности. В то время была единая структура силовых органов — Народный комиссариат внутренних дел. Помимо нее, в репрессиях всюду действовали военные трибуналы, я же тебе только что рассказывал. И судили они зачастую отнюдь не военнослужащих. Но почему-то ни полицию, ни армию ни в чем подобном не упрекают.

— Наверное, многие просто не в курсе таких тонкостей.

— Правопреемником ГУЛАГа является вовсе не ФСБ, а Федеральная служба исполнения наказаний. Но к ней претензий тоже нет. Кстати, в ведении КГБ лагеря также никогда не находились. И хотя сотрудников госбезопасности того времени, наряду с представителями других силовых ве-

домств, безусловно, есть все основания обвинять в массовых злоупотреблениях, к Лубянке это относится в наименьшей степени. Нет ни одного документального свидетельства, что в Доме 2 производились казни. И нет убедительных доказательств каких-то злостных нарушений законности в этих стенах. Напротив, в воспоминаниях заключенных довольно часто упоминается, что условия содержания здесь были достаточно приличными. По крайней мере, в сравнении с другими следственными изоляторами.

— Отсутствие документов ни о чем еще не говорит. Кто же сам будет признаваться в собственных грехах?

— Имеешь в виду, что записали перевод арестованного в другое место, а на самом деле расстреляли тут втихаря? Видимо, ты плохо представляешь функционирование бюрократического аппарата. Любые процессуальные действия строго фиксируются. Потому как это первое, за что снимут голову любому исполнителю. И никто не рискнет пойти на явный подлог. Ну, разве что в единичных случаях, когда это необходимо в оперативных целях.

— Но документы могли подделать или изъять позже. С целью сокрытия преступлений.

— Да, безусловно. И такое иногда случается. Но здесь нужна заинтересованная сторона. Например, политик, который не хочет, чтобы его деяния стали достоянием гласности. Это явно не тот уровень. А изъятие фрагментов, подделки и подчистки легко вычисляются. И еще раз повторюсь, прика-

зы и приговоры не в этих стенах подписывались.

— Понятно. И почему обвиняют вас, как ты полагаешь?

— А я тебе сейчас объясню. Банальная месть. Общественное мнение сформировано гораздо позже, так называемыми диссидентами, борцами с социалистической системой. Вот ими, действительно, занимался КГБ. И так, между прочим, поступают в любой стране. Нигде не будут терпеть посягательств на общественный строй и конституцию, не правда ли?

— Конечно. Вот только методы...

— Все это выдумки антисоветчиков. А вернее, сознательное искажение действительности.

— Ты хочешь сказать, репрессий при КГБ не было?

— Это некорректная постановка вопроса. Государство имеет среди всего прочего функцию подавления. Поэтому репрессии были всегда и везде. Речь должна идти о масштабах. И само собой, о законности. Ты разве не знаешь, что у вас в Штатах во время Второй мировой существовали концлагеря, куда согнали множество американцев японского происхождения? Но никто же не называет это ГУЛАГом.

— Ну хорошо, и какова твоя оценка?

— По так называемым политическим статьям за последние четверть века существования СССР было привлечено к уголовной ответственности порядка трех тысяч человек. Однако подавляющее число из них — участники националистических движений. В Соединенных Штатах это пока не очень

актуально, но есть ряд государств, где та же проблема стоит крайне остро: Великобритания, Испания, к примеру. Думаешь, там церемонятся с теми, кто пытается расколоть страну, нарушить ее территориальную целостность? Кроме того, сюда же входит огромное количество членов религиозных сект, в том числе тоталитарных. А диссидентами в западном понимании этого слова можно считать максимум несколько сот человек за все это время.

— Неужели так мало?

— Вот именно. Так что проблема на самом деле надуманная. Точнее, искусственно созданная, как элемент информационной войны. Ваши спецслужбы тоже не даром ели свой хлеб. Кто-то из диссидентов осужден по чисто уголовным статьям. Например, уклонение от уплаты налогов.

— В Америке это одно из наиболее серьезных преступлений.

— Или нелегальный переход границы.

— А тут не могу согласиться. И вообще, зачем насильно удерживать людей?

— Этот вопрос нельзя рассматривать вне исторического контекста. Вот представь: страны социализма и капитализма находятся в открытом противостоянии. В военных штабах подготовлены планы взаимного уничтожения. Русские и американские солдаты убивают друг друга, пока в локальных войнах, на территории третьих стран. Но прямое ядерное столкновение уже стоит на повестке дня. Холодная вой-

на осязаемо грозит перерасти в горячую, и вполне вероятно, в последнюю войну в истории человечества. Как в такой ситуации у вас называют перебежчиков? У нас — предателями.

— Мне представляется, что перемещение людей способствует скорее уменьшению напряженности. Своеобразная народная дипломатия.

— Это зависит от того, кто перемещается и зачем. Бывает и так, а бывает и с точностью до наоборот. Я уж не говорю о носителях государственной тайны.

— Наверное, у нас с вами разный менталитет.

— Возможно. Но еще раз подчеркну: диссиденты боролись с государством. А государство, в лице КГБ, соответственно — с ними. Те, в свою очередь, были госбезопасностью не слишком довольны. И вымещали злобу, представляя Лубянку таким монстром. Это ведь сделать очень легко, выпячивая одни факты и замалчивая другие. Кстати, общеизвестно, в том числе в среде правозащитников, что основной упор в борьбе с инакомыслием, начиная с шестидесятых годов прошлого века, делался на профилактику. Людей вызывали вот сюда, в это самое здание, и просто разговаривали с ними, предупреждали, чем могут закончиться конфликты с законом. Безусловно, это нравилось далеко не всем. И быть может, у кого-то складывалось впечатление, что Комитет распустил свои щупальца буквально повсюду. Но зато на сто бесед приходился всего лишь один арест. На мой взгляд, это абсолютно правильный подход. Вообще-то схема рабо-

ты спецслужбы должна быть совершенно иной, не привлекающей лишнего внимания. Так оно обычно и есть. Но здесь случай особый.

— Ясно.

— Почему милицию того времени за профилактику преступлений хвалили, а КГБ за то же самое — ругали?

— А это делали одни и те же люди?

— Вот именно, Дэн, в корень зришь! Одни и те же, в том и суть. Ладно, тему на сегодня закрываем, еще будет время обсудить. Надо бы и поработать. Напоследок приведу тебе одну историческую параллель. Многие серьезные исследователи до сих пор не могут понять, почему во времена Великой французской революции граждане так ополчились на Бастилию. Тюрьма для высшего сословия, весьма комфортные условия содержания, узников можно пересчитать по пальцам. И вдруг — главный символ королевского деспотизма в глазах народных масс. Не находишь ты это довольно странным?

— Ну да, ну да.

Сергей сделал несколько телефонных звонков, в комнату вошли трое и расселись вокруг стола.

— Начнем, пожалуй. Прежде всего, ряд организационных моментов. Группа у нас интернациональная, поэтому здесь

все в той или иной степени владеют английским. Для преодоления оставшихся языковых проблем в команде наш лучший лингвист, Лина Кречетова.

Высокая пепельная блондинка с серо-голубыми глазами слегка склонила голову.

— Дэн, если потребуется перевести какие-нибудь документы, обращай к ней. Ну, или русский подтянуть, — Кратов не удержался от улыбки.

— Угу.

— Общение предельно деловое, никаких званий, «сэров» и тому подобное. Дэн, это тебя в первую очередь касается.

— О'кей.

— Тогда к делу.

— Секундочку. Серж, у нас принято приглашать на совещания командира морпехов. Я Рика имею в виду.

— Без проблем.

— А от вашего спецназа будет кто-нибудь?

— Я поинтересуюсь, но вряд ли. Они любят свежий воздух. Теперь, Ким Шилин, Служба контрразведки, оперативник от бога, и Егор Уланов из Шестнадцатого центра, наш хакер и антихакер в одном лице.

Перечисленные персоны и бровью не повели, словно сказанное их совершенно не касалось.

— Дэн, прежде всего нас интересует нападение на вашу группу. Не упуская мелочей.

Тот подробно описал детали происшествия.

— Значит, у вамов появились боевые отряды, — заметил Ким. — Из чего почти наверняка следует наличие организационной структуры.

— В Штатах тоже так считают, в дело активно включилось ФБР. Они говорят, что помимо минусов мы имеет теперь большой плюс: вампиры общаются между собой и эти связи можно отследить.

— Да, это что-то новенькое, раньше они были за редким исключением сами по себе.

— Или мы только так думали.

— Н-да...

— Серж, ребята из ФБР очень хотят получить доступ к архивам гестапо, им нужно изучить методики борьбы с законспирированным подпольем. Поможешь? Они сказали, что документы находятся у вас.

— У нас — это где?

— Ну, в КГБ, то есть в ФСБ.

— Серьезно? — Кратов набрал номер на допотопном аппарате с гербом СССР в центре диска и перекинулся с кем-то вполголоса несколькими фразами. — Спасибо. Короче, архивы гестапо хранятся в РГАСПИ⁵, фонд четыреста пятьдесят восемь. Возможно, какие-то фрагменты и у нас осели, нужно разбираться. Пусть пишут официальный запрос и потом приезжают. Покажем, конечно. Только работы там непо-

⁵ РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

чатый край: почти ничего не оцифровано и мало что каталогизировано.

— Спасибо.

— Да о чем речь, мы теперь в одной лодке.

— Заодно может в бумагах порядок наведут, — буркнул Шилин.

— Ну что, коллеги, направление работы понятно, — подвел черту Сергей. — Ким, стало быть, вампиров сейчас не захватываем, а устанавливаем наблюдение. Правильно? Наружка, прослушка, садимся на каналы коммуникаций, — он кивнул Егору, — и все прочие оперативно-технические мероприятия. Потом накрываем всю сеть разом.

— Сделаем.

— Так, теперь вопрос об идентификации вам-вама. Дэн, глянь вот это, — Сергей перекинул на другой конец стола папку с материалами генетического исследования.

Дэн полистал бумаги.

— Похоже на то. Но у вас другая методика. Чтобы не оставалось сомнений, нужно будет сделать повторный анализ в нашей лаборатории. У тебя еще остался материал?

— Да. А сколько времени это займет?

— Около недели.

— Так долго?

— Это детальный анализ. Мы проводим его крайне редко. Но ведь здесь именно тот случай, насколько я понимаю?

— Само собой.

— Тогда отвезите прямо в наше посольство, они переправят, я договорюсь.

— Бу... zde... Тут рукой подать.

— Что-что?

— Будет сделано.

— Я оставлю эти бумаги у себя?

— Конечно. На сегодня, пожалуй, достаточно, — подытожил Сергей. — Всем спасибо, все свободны. А вас, Сверчкофф, — после акцентированной паузы выразительно добавил он, — я попрошу остаться.

— Пойдем со мной, — Кратов вышел из кабинета, отпер дверь соседней комнаты и жестом пригласил Дэна войти. — Вот здесь будешь жить, осваивайся. Кремля отсюда не увидишь, но пейзаж тоже ничего, на старинную Мясницкую улицу и наш вычислительный центр. Держи, — передал он ключ.

— У вас все так просто, — заметил Дэн. — Ни карточек доступа, ни отпечатков пальцев, ни сканеров радужки...

— Да, все по рабоче-крестьянски. Наше руководство не любит тратить деньги на ерунду.

— Это, по-твоему, ерунда?!

— Конечно. Главная опасность не во внешних врагах, а во внутренних. А от них сканерами не защититься.

— Любопытно, надо будет поговорить об этом с нашими

безопасниками.

— Поговори, поговори. Но сдается мне, ты не совсем понял. Кое-где все это есть. И даже больше. Но не на каждой же двери.

— Ясно.

— И потом, не думаю, что открою тебе секрет. В оперативной работе существует понятие «приманка». Слабо защищенная цель, провоцирующая злоумышленника проявить себя.

— Да у вас здесь не все так просто, как я погляжу! — рассмеялся Дэн.

— А то! Ладно, довольно болтовни, хочу теперь поговорить с тобой о серьезных вещах. Тет-а-тет.

— Секундочку, сейчас эсэмэску отправлю, пока не забыл... Готово, валяй.

— Нам действительно очень пригодится твоя помощь в идентификации генома вам-вама, но тут по большому счету мы бы и сами справились. Короче, формальный повод вызова — это чистой воды вранье.

— Я весь внимание.

— Точнее сказать, прикрытие. Потому что мы затеваем операцию в высшей степени секретную. И прежде чем продолжить, я хочу взять с тебя слово — никому. То есть вообще никому.

— Ты ставишь меня в затруднительное положение. Я должен согласиться, не зная, о чем пойдет речь?

— Именно так. Иначе можешь хоть завтра отправляться домой. Я не могу рисковать. Постарайся понять меня правильно.

— Да я понимаю, но от этого не легче.

— Само собой, я не сообщу тебе ничего, что вошло бы в противоречие с твоими понятиями о чести, гражданском и человеческом долге, патриотизме и тому подобном.

— Тогда не вижу причин не согласиться.

— Хорошо. Мы внимательно следили все это время за твоей деятельностью. Вы нас, конечно, опережаете, у Штатов гораздо больше ресурсов, совершеннее медицинские технологии, мощнее компьютеры.

— Ну и? — нетерпеливо спросил Дэн.

— Проблема лишь в том, что вы в такой же заднице, как и мы.

— Не слишком ли смелое заявление?

— Дэн, давай не играть в кошки-мышки. Мы с тобой аналитики, а не политиканы. Лапшой на уши вампиров не одолеть. При другом раскладе, как сам понимаешь, все тут были бы только рады вашим проблемам.

— Ну, допустим.

— Тогда начистоту?

— Начистоту.

— Давай по порядку. Твоя гениальная вакцина в пролете. Эффективность ее по-прежнему невысока. Раньше вы думали, что усовершенствование формулы решит вопрос. Но те-

перь понятно — тут дело в принципе. Да, привитый человек в большинстве случаев не заражается, этого вы смогли добиться. Однако укусивший его вампир получает некоторую дозу препарата, под влиянием которого вирус мутирует, приспособляясь к новым условиям.

— Ты очень хорошо осведомлен, Серж. Классно ваша разведка работает. Или же наша служба внутренней безопасности, напротив, плохо. Кто угодно может получить какую угодно информацию. Ладно бы только вы, но и вампиры приспособились, я же рассказывал.

— Нам была бы чрезвычайно приятна твоя похвала, но разведка здесь ни при чем. Все данные из открытых источников. Ну, почти. Мы просто сопоставляем факты и делаем выводы.

— В общем, да, в целом выводы правильные. Три с половиной года псу под хвост.

— Готов возразить. Вакцина затормозила процесс, не давая ему перерасти в лавину. Это само по себе огромное достижение, не скромничай. Иначе бы мы с тобой тут сейчас не сидели. Вы выиграли самое главное — время. И то, что нужно продолжать работы в этом направлении, сомнению не подлежит.

— Чем, собственно, мы и занимаемся.

— Все равно, это лишь оттягивание неминуемого конца, как ни крути. Идем дальше. Идея с Царем вампиров великолепна, вы здорово подчистили поголовье на своем контин-

ненте. Но сейчас Рэт резко сбросил свою активность, и популяция вновь начала расти.

— Увы.

— Противоядие тоже со временем теряет эффективность, но его можно периодически подправлять. Так что этот путь правильный, хоть и пассивный. В общем, облегчение приносит, однако болезнь кардинально не лечит.

— Оно ведь на то и заточено.

— Теперь... До лекарства от вируса почти так же далеко, как и в самом начале.

— Тут ты не совсем прав. Лаборатория физиологии получила кое-какие обнадеживающие результаты.

— Хотя бы ориентировочную дату выхода можете назвать?

— Нет, конечно.

— Вот видишь. И наконец. Препарат, делающий человеческую кровь несъедобной для вампиров — по сути дела тупиковое направление, что было ясно сразу. Собственно, изготовить препарат вам сейчас, я полагаю, уже труда не составит, проблема лишь в его безопасности для людей. Противоядия и вакцины — это веками отработанные технологии, их свойства хорошо изучены. Здесь же необходимо вторгаться в геном человека, и предсказать последствия невозможно. В принципе, схема рабочая, но не раньше чем через несколько десятилетий. Не исключено, что и сотня лет понадобится, чтобы все как следует обкатать. Не протянем мы столько.

— Ты нас с тобой имеешь в виду или весь род людской?

— Не хотелось бы перекладывать проблему на будущие поколения.

— Серж, мы делаем все что можем. Все, подчеркиваю.

— В общем, суперсовременная американская медицина и ваши охрнительные компьютеры задачу решить не могут. Нужны новые подходы.

— Лыщу себя надеждой, что ты пригласил меня не только для того, чтобы обсирать достижения Соединенных Штатов.

— Да, безусловно. Есть у меня одна мыслишка. Антивирус. Точнее, вирус антивампиризма. Который убивает вампиров, но относительно безвреден для людей.

— И в чем разница с предыдущим вариантом? Последствия такие же непредсказуемые на генетическом уровне.

— А разница в том, что этим препаратом необходимо будет обработать не все население, а небольшое количество добровольцев, идущих на жертву осознанно. Кто-то из идейных соображений. Помнишь историю у Мопассана, когда английская аристократка намеренно заразилась дурной болезнью, чтобы наградить ею Наполеона? Кто-то, например, смертельно болен и желает оказать последнюю услугу человечеству. Бесплодные люди практически ничем не рискуют. Ну, я имею в виду, после серьезной клинической апробации. А некоторые входят в группу риска и захотят таким образом подстраховаться при попадании в лапы вамам. Своеобразный «удар возмездия».

— Да, я понял. Антивам.

— Я вижу, ты уже включился в работу, — улыбнулся Кратов.

— Серж, ты гений!

— Теперь понимаешь, почему я так настаивал на конфиденциальности?

— Да, дело, скорее всего, не выгорит, если вампиры об этом узнают.

— Вот-вот.

— Само собой, я в деле.

— Ну и прекрасно. Добро пожаловать в команду!

— И кто в ней, могу я поинтересоваться?

— Ты да я, да мы с тобой.

Через пару часов Сергей опять заглянул в кабинет Дэна.

— Ну что, осваиваешься на новом месте? Как тебе твои хоромы?

— Вполне, — кивнул тот.

— Может, чего-то нужно? Проси, не стесняйся.

— Да нет, все нормально. Вот, уже успел подключиться к главному компьютеру АНБ.

— Супер! Да, кстати, а где твой любимый физиолог? Почему Наташа не приехала?

— Серж, я в шоке! Это тоже результат обработки мозго-

выми извилинами открытых данных?

— Нет, это как раз из оперативных сводок.

— Ну тогда ты мне скажи, почему она не приехала! Может, я чего-то не знаю?!

— Дэн, ну не настолько же. Не заводись.

— Ладно, проехали. Наташа подъедет через несколько дней, нужно еще кое-какие дела в Штатах уладить.

— Это хорошо.

— А ты ей, я смотрю, уже рабочее место подготовил? — кивнул Дэн на соседний стол.

— А как же.

— Так она тоже в команде?

— Само собой. Без классного физиолога нам не обойтись. Только я сам с ней поговорю, если не возражаешь.

— Без проблем. Да, слушай, а можешь нам хорошую кофемашину организовать? Я бы сам купил, но, боюсь, охрана не даст ее в здание внести.

— Правильно боишься. Попробую что-нибудь придумать. Правда, как любит повторять один мой знакомый, что значит «хорошая»? Может, действительно, сам в гостиницу закажешь? А я сюда доставлю.

— Отлично. Да, и еще микроволновку.

— Это хоть сейчас. И запомни, по этой теме будем работать только мы втроем. Исключительно в вашем кабинете.

— А в твоём что, прослушка?

— Нет. Впрочем, не знаю, — рассмеялся Сергей. — Про-

сто чтобы не привыкать, — тут же посерьезнел он. — Другим незачем знать о наших делах. Ну, от греха подальше.

— Но у меня одно условие. И так же как твое — безапелляционное.

— Весь внимание.

— Наташа не будет посвящена в практическую сторону нашей операции. Она очень ранимая натура, а схема тут просматривается достаточно жесткая.

— Хорошо.

— Да, кстати. В довесок к твоей блестящей идее могу предложить еще одну. Я ее уже какое-то время прорабатываю, но никому пока не говорил.

— Я заинтригован.

— Царь царей.

— Ого!

— Не знаю, что получится, но мне и самому, признаться, нравится.

— А как ты собираешься реализовать это на практике? Не заперев же десяток вам-вамов в клетке?!

— Нет, конечно. Генная инженерия. Теперь ведь я знаю, как это работает. И могу предположить, каким образом нужно подправить хромосомы.

— Задумка красивая. Только вот... Монстра не боишься породить?

— Да, есть такая опасность. Но я надеюсь исключить ее моделированием.

— Я бы на твоём месте не обольщался. Вот промоделировал ты Рэта, а в итоге вышло совсем по-другому.

— Значит, ты не в восторге?

— Ну почему же. Замечательная концепция. Безусловно, требует самой тщательной проработки. А о практической реализации, полагаю, в любом случае пока рано говорить.

— О'кей. Да, вот ещё что. Наташу можешь в мой номер заселить, если уж ты у нас такой осведомленный. Ну, чтобы не вводить в расход ваше стесненное в средствах учреждение.

— Да ничего, не беспокойся, мы потянем. Может, даже на тот же этаж получится... Да шучу я, шучу, — улыбнулся Кратов, глядя на вытянувшуюся физиономию Дэна. — Организую все в лучшем виде. Кстати, о гостинице. Тебя проводить или сам доберешься? Расходиться, однако, пора.

— Доберусь, конечно, не волнуйся. Не заблужусь.

— Может, ещё какие-то пожелания?

— У меня теперь одно пожелание — переместиться в горизонталь.

Вечерняя Москва усыпала небо и стены зданий мириадами разноцветных огней. Дэн брел по улочкам древней столицы и мечтал, как они будут гулять здесь с Наташей. Каждый день, не меньше часа, а лучше — полтора. Моцион ей сей-

час необходим как воздух. И вообще, беременную женщину повсюду должна окружать красота. А Москва и в самом деле сказочно красива.

Наконец он добрался до гостиницы. Но едва успев сбросить пиджак, услышал стук в дверь.

— В чем дело? — в голосе Дэна сквозило легкое раздражение.

— Обслуживание номеров! — откликнулся женский голос.

— Я ничего не заказывал.

— Комплимент от заведения!

— Какой еще к дьяволу комплимент, — проворчал Дэн, открывая дверь.

На пороге стояла ухмыляющаяся Лина.

— Привет, мой сладкий! — она бесцеремонно вошла внутрь и приблизилась к нему вплотную. — Ну что, займемся русским? Это называется *rugovitsa*, — она протянула руку и медленно высвободила наглядное пособие из верхней петли его рубашки. А это...

Дэн уклонился от продолжения урока и отступил вглубь комнаты.

— Извини, не получится.

— Любимый, хватит меня заводить. Я и так соскучилась до невозможности!

— Лина, я не шучу. Кое-что изменилось.

— Дай угадаю. Ты обиделся, что я не прилетела к тебе в

Штаты? Не злишь, котенок, — она изобразила на лице виноватую гримаску, — не получилось. Но мы все наверстаем, обещаю!

— Вовсе нет.

— А-а-а, хочешь начать, как тогда, с «Эстерхази»? Извини, зайка, но то кафе закрыли. Классное было, правда?

— Да при чем тут кафе?!

— Что тогда?

— Я помолвлен.

— Ну и? Можно подумать, я с тебя требовала когда-нибудь отчета.

— Я же говорю, кое-что изменилось.

— А как же мальчишник? Самое время зависнуть, оттянуться...

— Лина!

— Ты много теряешь, — она ослабила поясок и слегка приоткрыла полы коротенького светло-кремового пальто. — Я хорошо подготовилась.

— Да знаю, — тяжело вздохнул Дэн. — Но в противном случае я потеряю гораздо больше.

— И что же, ты вот так выставишь изнывающую девушку из номера? — со вздохом ответила она, приводя одежду в порядок. — Как какую-нибудь... И это будет с твоей стороны по-джентльменски?

— А ты что предлагаешь? Лина, ты прелесть, но я, правда, не могу. Прости, что вскружил тебе голову. Но это было так

давно.

— Старая любовь не ржавеет. Ладно. Но мы кофе хотя бы можем попить? Как цивилизованные люди?

— Если ты рассчитываешь, что это будет прелюдией...

— Дэн, я все поняла. Я очень понятливая.

— И ты будешь сидеть в ресторане в верхней одежде?

— Кто-то посмеет меня раздеть? Конечно, ты мог бы попробовать, но ведь сам не хочешь...

Дэн счел за лучшее пропустить эту тираду мимо ушей.

— Хорошо, пойдем.

Они спустились на первый этаж в бар «Шляпин». Но не успел официант принести кофе, как у Дэна в кармане зазвонил телефон.

— Привет, малыш, — произнес он. — Как самочувствие?

— Все в порядке, — ответила Наташа. — Как ты? Куда пропал?

— Тута я, тута. До тебя эсэмэски разве не дошли?

— Ну, когда это было. Мог бы еще раз набрать.

— Да что-то закрутился. А ты определилась, когда придешь?

— Дня через два-три. Я пока билет не купила.

— Жду с нетерпением. А я уже успел посоветоваться с коллегами.

— Молодец. Чем сейчас занимаешься?

— В баре кофе пью.

— Один?

— Нет, с переводчиком.

— Странный какой в России кофе. Что его без знания языка не одолеть. И переводчик, конечно же, женщина.

— Ты же прекрасно представляешь жизненные реалии.

— И безусловно, молодая и симпатичная.

— Послушай, она сидит рядом и слышит наш разговор. И она переводчик. Если я скажу, что она немолодая или несимпатичная...

— И пьешь ты с ней кофе. Не чай, не сок, не кока-колу, не коктейль. Даже не водку.

— А ты предпочла бы, чтобы я с ней водку пил?

Лина усмехнулась и переложила длинные ноги, затянутые в черные ажурные колготы.

— Да, представь себе.

— Но я ведь должен проверить, какой тут кофе?! Перед твоим приходом.

— И какой же?

— Сейчас попробую... Спасибо. Это я официанту. Секундочку... А что, очень даже ничего.

— Ну, тогда ладно. Только не увлекайся, хорошо? Пока, целую.

— Я тебя люблю.

— Что-то связь нынче никуда не годится, одни помехи.

— Люблю тебя от Москвы до Форт-Мида и обратно.

— Да, сейчас стало просто замечательно.

— Приезжай скорее.

— Вот в этом можешь теперь ни секунды не сомневаться!

Лина встала из-за столика, расправив плечи и вытянувшись стрункой.

— Пока, мой сладкий. Если твоя невеста тебя отошьет, ты знаешь, к кому обратиться за утешением, — покачиваясь на каблуках, она направилась к выходу с видом человека, удачно исполнившего свою миссию. Кофе остался нетронутым.

Посетители заведения, оторвавшись от своих приборов, проводили ее заднюю полусферу плотоядными взглядами.

Глава 7

Война за испанское наследство, бушевавшая в Европе более десяти лет, наконец-то выдохлась. Объявили перемирие британцы и французы, сражавшиеся за колонии в Новом свете. Поджигатель русско-турецкой войны, шведский король Карл XII, устроивший с гостеприимными хозяевами кровавую свару и поплатившийся за это отстреленным в схватке кончиком носа, выдворен из своего лагеря в Бендерах. Народы вздохнули с облегчением. Люди смогли заняться своими полями и своими детьми.

Однако же, вопреки ожиданиям, набор в школу шел со скрипом. Пока что записали только четырех девочек, но двоих почти сразу же перестали водить. На близлежащем рынке жители собирались кучками и обсуждали что-то, кивая на двери заведения и яростно жестикулируя. А вчерашней ночью прямо перед порогом кто-то вывалил порядочную гору смердящей гниющей требухи.

Анна Барбара и де Плермон сидели в комнате, которую они первоначально планировали выделить под склад, и занимались составлением учебных программ. Вдруг жалобно звякнуло разбитое стекло, за ним второе, за ним третье. Вбежала испуганная наставница.

— У входа собралась толпа местных, они бьют камнями окна.

— Сейчас я им покажу, — резко поднялся с места Плермон, но Анна удержала его за локоть.

— Они могут напасть, и вам придется защищаться. Ничем хорошим это не закончится. Я поговорю.

— Полагаете?

— Уверена.

— Хорошо. Я буду рядом, пусть только попробуют...

— Не беспокойтесь, все обойдется.

Анна вышла на улицу, не закрывая двери. Серван говорил, что в толпе первым делом необходимо распознать главаря. Вот этот, наверное, стоящий чуть впереди, с противной жирной мордой, в засаленном фартуке мясника. Тем более, судя по отбросам...

— В чем дело, месье? — обратилась она к жожаку.

— Не надо нам этого! — закричал тот. — Не дадим растлевать наших дочерей!

Самое главное — соблюдать спокойствие и не повышать голоса, не дать ссоре перерасти в свару.

— Это что же, грамматика их растлевает? — невозмутимо спросила она. — Или арифметика? Или закон Божий? Что вы такое говорите, месье? Сами-то в церковь ходите по воскресеньям?

— Место женщины — на кухне! Не нужна ей никакая грамматика и арифметика!

— А знаете ли вы, милейший, что это ваше мнение противоречит королевскому эдикту?

— Какому еще ...дикту?

— Королевскому! Очень плохо, что вы противитесь распоряжениям его величества. Вот послушайте: «Мы повелеваем всем отцам, матерям, опекунам и другим лицам, ответственным за воспитание детей, отправлять их в указанные школы до четырнадцати лет», — процитировала Анна театральным голосом. — Мало того, вы еще склоняете к неповиновению других. Это бунт? А вы — зачинщик?

— Там и вправду так сказано?

— Да. Если хотите, завтра могу принести этот документ, чтобы вы сами смогли убедиться. И еще там написано: «Приказываем нашим судьям, прокурорам и другим господам, которые имеют право вершить высокое правосудие, наказывать тех, кто будет небрежен в соблюдении нашей воли, посредством штрафов или более строгих санкций».

— Но если в указе говорится про всех детей, почему вы принимаете только девочек?

— Потому что сделать все сразу невозможно. Вы же не хотите, чтобы они обучались вместе? Я обещаю вам в скором времени открыть школу и для мальчиков. Она будет находиться вот тут, — указала Анна на соседнее здание.

— Ладно, мадам. Однако уж не обманите.

Мясник сник, развернулся и смешался с толпой.

— А пока приводите к нам дочерей, — повысила Анна голос, обращаясь к остальным. — Мы будем учить их и рукоделию, и приготовлению пищи. Не только арифметике.

С этими словами она повернулась и скрылась в помещении.

— Это было... потрясающе! — восхищенно воскликнул стоящий в дверях де Плермон. — Как замечательно вы держались! Как легко и непринужденно с ним расправились! Просто раздавили! А учить кроме грамоты рукоделию — замечательная идея. Почему же мы раньше до этого не додумались?

— Не знаю. С испугу осенило, наверное.

— А если нам попробовать кормить учеников? В приюте ведь есть кухня. Полагаю, это здорово подогреет интерес к обучению.

Анна Барбара озадаченно посмотрела на графа.

— Поистине, мысль гениальная. Почему же мы раньше до этого не додумались? — улыбнулась она.

— Наверное, с испугу осенило, — ответил граф очень серьезно. — За вас.

Весь этот год Анна Барбара и де Плермон расширяли приют и школу. Семена посеяны, но всходов придется ждать еще очень долго. Поэтому граф не прекращал прогулки по ночному городу в поисках уже состоявшихся преступников. Молва о таинственном Охотнике, постоянно меняющем свой облик, неустанно кружила по Нанту и окрестностям.

Жак дневал и ночевал в конторе, наращивая производство. Обучал детей из приюта основам ткацкой профессии, исподволь готовя таким образом работников для своих фабрик. И усердно занимался, с учителем и самостоятельно, словно пытаясь наверстать упущенное время.

Де Плермон часто заходил на улицу Сент-Круа, уже на правах друга дома, приносил игрушки для Илоны и книги для Адель.

— Где моя прекрасная маленькая мадемуазель? — звал он с порога.

— Гьяф, гьяф писоль!

Малышка, неуверенно перебирая ножками, что есть сил устремлялась навстречу. Граф подхватывал ребенка, вознося к самому потолку.

— Какая вы стали большая и тяжелая! Скоро не смогу вас так поднимать.

Илона отвечала ему счастливым лопотанием.

— Вот, мадемуазель, держите, это настоящая итальянская кукла. Смотрите, какое красивое на ней платье. Когда подрастете, закажу вам такое же. У самого лучшего портного.

— Добрый день, дорогой граф, — приветствовала его подошедшая Анна. — Вы окончательно избалуете мне дочь.

— Любовью нельзя избаловать, сударыня.

— Любовью нельзя, а вот куклами можно. Иди сюда, моя хорошая. Нравится тебе Коломбина?

— Адель, ты прочитала Лафонтена? — де Плермон обер-

нулся к впустившей его служанке.

— Да, сударь, — присела та в книксене.

— Я же просил тебя прекратить эти приседания. Постоянное выражение почтения превращает его в ничто.

— Я поняла, сударь.

— И как тебе Лафонтен?

— Очень здорово.

— Так не говорят. Или «очень хорошо», или просто «здорово», но последнее скорее просторечное выражение.

— Очень понравилось.

— Молодец. А что особенно?

— «Ворон и Лиса». Как ловко Лиса одурачила Ворона!

— А что не понравилось?

— «Цикада и Муравей». Муравей так жесток, Цикада ведь погибнет. Не по-божески это.

— Видишь ли, басни не следует понимать буквально. В них просто высмеиваются определенные черты характера и человеческие недостатки. В данном случае — праздность.

— Но ведь Цикада пела для всех.

— Нет-нет, *à tout venant* имеет оттенок «для каждого встречного», то есть — по любому поводу.

— Ясно, сударь.

— Принести тебе второй том?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо, завтра занесу. Может быть, для Жака что-нибудь подобрать? — спросил граф у Анны.

— Не стоит, кроме договоров и деловых писем Жак читает только газеты.

— Газеты?

— Да, он не любит беллетристику, предпочитает сплетни и факты. Они помогают ему в коммерции.

— Понятно.

— Проходите в столовую, сейчас будем обедать.

Жак периодически наведывался в Париж. Приказ Анны Барбары он выполнил частично, не предпринимая против вампиров никаких активных действий. Однако же по-прежнему обходил тайники, забирал наводки и оплачивал информаторов. Как и велел ему хозяин. Всякий раз навещал Лотарингца. Но поиски тела графа так ни к чему и не привели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.